

Елена Райгос

ИГРА В РЕАЛЬНОСТЬ

16+

Елена Райдос
Игра в Реальность
Серия «Игра в Реальность», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48774723

SelfPub; 2023

Аннотация

Думаете, наша Реальность устроена именно так, как вам рассказывали в школе? Герой этой книги тоже так думал, пока в его жизни не начали происходить ну очень странные события, которые стали для него проводником к истинным знаниям о мире и о себе, а попутно открыли перед ним такие возможности, рядом с которыми маги – это просто дети в песочнице. Путь к себе непрост, но он стоит того, чтобы по нему пройти. Так что добро пожаловать в Игру, единственную Игру, в которую стоит играть. В Игру в Реальность.

Содержание

Часть 1. Программист	5
Глава 1.	5
Глава 2.	28
Глава 3.	53
Глава 4.	83
Глава 5.	112
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Елена Райдос
Игра в Реальность

Игра в Реальность

Часть 1. Программист

Глава 1.

Близкий рассвет уже окрасил небо в розовые и сиреневые тона. Линия на горизонте, в которой небо смыкалось с морем, засияла, как полоска раскалённой до бела стали. Солнце пока не взошло, но было понятно, что ещё несколько секунд, и краешек оранжевого диска вынырнет из морской пучины, давая начало новому дню. Девушка, как обычно, сидела на самой кромке обрывистого берега, опасно свесив ноги вниз, и любовалась захватывающим зрелищем. Её лёгкое бледно-розовое платье практически сливалось с рассветным небом, и создавалось впечатление, будто она парит над обрывом. Я, тоже как обычно, стоял в десяти шагах за её спиной, любуясь, как первые лучи восходящего солнца превращают пышную шапку её кудряшек в золотистый одуванчик.

Милая, прямо-таки минимишная, картинка. Однако была в этой картинке одна странность, бесцеремонно нарушавшая стандарты классической пасторали. Над золотистым одуванчиком порхали бабочки, много-много розовых бабочек. Они не садились и не улетали, просто кружили как будто в медленном танце. Их крылышки переливались на солнце, на какое-то мгновение бабочки словно бы растворялись в розо-

вых рассветных лучах, а потом снова появлялись из небесного пространства. Зрелище завораживало. И хотя я видел его множество раз, но, как всегда, затаил дыхание, не в силах отвести глаз от порхающего розового облака. Девушка, словно почувствовав мой взгляд, начала медленно оборачиваться. Казалось, ещё мгновение, и я наконец увижу ее лицо.

Ага, разбежался. Я совершенно точно знал, что этого не случится. Этот сон снился мне уже очень давно и слишком часто, чтобы я ещё питал какие-то иллюзии на этот счёт. Каждый раз на самом интересном месте я просыпался у себя в постели. Не то, чтобы мне так уж необходимо было знать, как она выглядит. Но, в конце концов, сколько можно издеваться? И ещё эти бабочки...

Я уже понял, что проснулся, но глаза открывать не хотелось, по опыту знал, что сейчас самая середина ночи, где-то в районе трёх. Если полежать тихо, то, возможно, удастся снова уснуть. И кому я вру? После этого сна отправиться обратно в объятия морфея мне ещё ни разу не удалось. Лучше выпить крепкого чаю и поработать до того времени, когда у всех нормальных людей начнётся утро. Выбираясь из постели, я в очередной раз лениво подумал, что мне, наверное, стоит посоветоваться насчет этого навязчивого сновидения с кем-нибудь опытным в таких делах. С психологом, что ли, или уже сразу с психиатром, чтоб наверняка. В этих рассуждениях несомненно присутствовало здоровое зерно, но мне почему-то категорически не хотелось никому рассказы-

вать ни про розовый рассвет, ни про девушку-одуванчик, ни про её дрессированных бабочек. Не хотелось, и всё тут. Даже Светику я так и не смог признаться. А ведь мы вместе уже почти два года. Практически семья.

– Тоша, ты опять по ночам не спишь?

И как она это чувствует? Ведь я поднялся совершенно бесшумно, даже тапком нечаянно не шаркнул. Удивительно, при иных обстоятельствах Светика не добудишься, хоть из пушки пали.

Кстати, Антон – это я. За исключением сна с бабочками, я самый обычный человек. Неполных тридцать лет, программист, пока не женат, детей вроде тоже нет, живу в Москве в квартире, которую оставили мне родители. В общем, среднестатистический гражданин, ничем особо не выделяюсь и очень доволен этим обстоятельством.

– Спи, я только чайку попью и лягу, – мой голос прозвучал фальшиво и никого не смог бы убедить, даже меня самого.

Светик, конечно, мне не поверила ни на йоту, но послушно закрыла глаза и повернулась на другой бок. Она давно почувяла неладное, но спросить не решается. Наверное, не хочет услышать, как я буду врать про срочную работу. Подозреваю, что она уже напридумывала себе что-нибудь ужасное, что там женщины обычно воображают, когда их интуиция бьёт тревогу. Всё, довольно рефлексий, лучше действительно немного поработать над тем прикольным приложением, что я начал писать примерно месяц назад в подарок моему

начальнику Олежке Трофимычу на его сорокалетний юбилей.

Стараясь не шуметь, я просочился на кухню, заварил себе чаю и уютно расположился за своим рабочим столом. За окном было ещё совсем темно, в соседних домах не светилось ни единого окна. Без всякого энтузиазма, практически машинально я начал набирать очередную команду в командной строке. Пальцы как будто сами бегали по клавиатуре, а я опять принялся размышлять о странностях бытия. Мало вероятно, чтобы сон про девушку с бабочками снился мне просто так. Что-то же он должен означать. Сомнительно, чтобы это были чьи-то козни, не кошмар же мне снится, в конце концов. Может быть, я просто схожу с ума? Нет, не похоже. Вроде бы чувствую себя как обычно, и в реале ничего странного не происходит. Хожу на работу, как все, девушка у меня классная, жизнь налаженная. Может, это такой тонкий намек моего подсознания, что, мол, пора жениться? Сколько можно морочить Светику голову? Но она же совсем не против нынешнего статус-кво, я бы почувствовал, если б было иначе.

А когда же я впервые оказался на том обрыве? Вроде бы не так давно, но убейте меня, если я помню, когда именно, даже не могу сказать, случилось ли это год назад или только полгода, а то и всего пару месяцев. Что-то в последнее время моя жизнь стала сильно напоминать бег по кругу: работа – дом, дом – работа, а по ночам этот странный сон. Удиви-

тельно, как это я ещё не откинул копыта, просыпаясь каждую ночь в три часа. Как любят говорить наши сусиды из ближнего зарубежья, «меня-то за що». Я ведь самый обыкновенный программист, каких тысячи. Не могу даже сказать, что хватаю звёзды с небес, так, середнячок, что-то вроде злого хорошего.

Нет, это я вру. На работе я и вправду ничем особо не выделяюсь. Зато дома на меня время от времени находит странное вдохновение, и тогда у меня получаются весьма прикольные приложения. Главный цимис состоит в том, что все они как бы имеют двойное дно, типа, скрытые возможности, которые начинают проявляться в процессе использования. Наш народ в конторе, где я тружусь на благо капитализма, как ни старался, так и не смог разобраться, каким образом это работает. На все попытки раскрутить меня, чтобы поделился профессиональными секретами, я только с загадочным видом потуже натягиваю на голову виртуальный лавровый венок и молчу, как партизан. Думаете, я жлоб? А вот и нет. Дело в том, что я тоже не знаю, как у меня это получается, а признаваться не хочется. Я просто придумываю идею, определяю требуемый функционал и начинаю работать. А в результате сами собой рождаются мои нетленки. Магия!

Начались все эти чудеса, когда мне ещё не было и двадцати. Нетленкой номер один стала программа под названием «Суперпереводчик». Я её слепил всего за пару недель на четвёртом курсе Универа, когда нужно было срочно сдать

все «хвосты» по английскому. Это вместо того, чтобы просто учить, понятное дело. Хотя писал я Суперпереводчик всего-то для одного языка, но впоследствии выяснилось, что он, оказывается, способен переводить на русский практически любой текст, включая руны и клинопись, работая по принципу дешифратора. Вот такие скрытые возможности проявились у моей простенькой на первый взгляд программки.

Свой любимый шедевр под названием «Подарочек» я закончил где-то год назад. С тех пор он разошёлся по нашей конторе, как чума. На первый взгляд это была простая напоминалка про дни рожденья и прочие юбилеи родственников и знакомых. Удобно, миленько, но и только. Однако эта иллюзия очень быстро развеялась, когда начали проявляться скрытые сюрпризы моего Подарочка. Во-первых, было совершенно непонятно, откуда он выкапывал инфу про имена и даты. Я, конечно, заложил в него функционал поиска по всем доступным базам, но Подарочек умудрялся находить данные даже по людям, которые вообще никогда не светились в сети ни сами, ни через знакомых. Но главное, он дарил подарки, в смысле заказывал подарки от имени юзера. Скажете, навязчиво? Согласен, но за весь год своей активной жизни мой Подарочек умудрился ни разу не ошибиться с выбором. В полном восторге оказывались и дарители, и именинники. Причём подарки были самые разные: от электронной открытки с котиками до чайного сервиза и золотых запонок.

Работало это так. За две недели до юбилейной даты юзеру приходила напоминка вместе с уведомлением о выбранном подарке. Если юзер соглашался, то подарок доставлялся ему наложенным платежом домой или в офис по выбору. Была ещё возможность оплатить кредиткой, но народ поначалу стремался. Зато теперь я знаю как минимум человек пять, которые завели в программу номера своих карточек и переключили заказ подарков в автоматический режим. Прониклись, однако, доверием к моему Подарочку.

Надо честно признаться, что такой успех со мной случается не часто. Подарочек стал третьим после Суперпереводчика и вируса под названием «Антоша». Каюсь, грешен, не удержался и назвал малефика своим именем. Человек слаб и подвержен тщеславию, чего уж там. В промежутках между триумфами я регулярно и круто лажаю. От чего это зависит, я и сам не понимаю. Все три моих шедевра писались очень легко, вроде как сами. Может, в этом их секрет?

Сейчас я как раз корпел над очередной нетленкой (плюнуть и постучать по дереву) под условным пока названием «Умник». Вроде ничего особенного, просто интерфейс к поисковикам, но с изюминкой. Во-первых, Умник лазит сразу по всем вменяемым сайтам и сортирует данные по уровню этой самой вменяемости. Но главное – это визуализация и аудио интерфейс. Говоря проще, с пользователем общается 3D аватар, используя довольно изощрённые скрипты. На настоящий момент я уже залил три аватара под именами Кра-

сотка, Профессор и Кот.

Имя Красотка говорит само за себя. Это, понятно, девушка, вроде секретарши, на мой взгляд очень секси, но без пошлости. Юбка до колена, строгая белая блузка, однако обтягивает и обнажает всё, что надо. Задний фон – это стандартного вида офис, тут я не стал заморачиваться. Зато общается Красотка довольно смело, совсем не офисным языком. В общем, персонаж для мужиков. Дамы, не обессудьте, как уже упоминал, эту программку я пишу в подарок моему начальнику, так сказать, под заказ.

Сначала я вообще хотел ограничиться одной Красоткой, но потом как-то сами собой написались ещё двое. Профессор – это такой старомодный, но не старый ещё чел в домашнем сюртуке на фоне солидной библиотеки. Золотое пенсне, борода клинышком, говорит сугубо грамотно и вежливо, но с ноткой снисходительности. А Кота я тупо срисовал с Чеширского кота из Алисы в стране Чудес. Он, как положено, ведёт себя загадочно, но ответы даёт не хуже остальных, и в конце сессии исчезает, оставляя только улыбку. Я и сам не понял, зачем его добавил. Может быть, для детей? Хотя выбор аватара происходит случайным образом, так что перед каким-нибудь малолеткой, вместо милого котика, запросто может появиться обворожительная Красотка.

Вот такой сюрприз я приготовил своему начальнику на днюху. Через неделю ему стукнет сорок, времени должно хватить. Надо будет, конечно, сначала на ком-нибудь протест-

стировать моего Умника, чтобы не облажаться. Но я уже нутром чувствую, что это будет бомба.

Стоило мне подумать о конторе, как сразу захотелось, чтобы поскорее наступило утро, и уже пора было бы собираться на работу. Мне до конторы пешком минут пятнадцать, если не считать обязательного захода в кофейню за капучино и синабоном. Вот есть у меня такая слабость, люблю себя побаловать перед началом рабочего дня. Я живо представил, как открываю стеклянную дверь кофейни, весело звенит колокольчик, приветливо улыбается знакомый бариста за высокой дубовой стойкой, и ароматный кофе тонкой струйкой вливается в густую молочную пенку. На секунду мне даже показалось, что по комнате разлился запах свежей выпечки и корицы. Ничего не скажешь, воображение у меня богатое.

В предвкушении приятного начала дня, я прикрыл глаза, но, вместо ожидаемого расслабления, почувствовал какое-то странное беспокойство. Такое ощущение, будто совсем недавно что-то чрезвычайно важное выпало из зоны моего внимания, как бы осталось за кадром. Точно, это случилось вчера в кофейне, недаром ассоциативная цепочка пробудила вроде бы уже замыленные воспоминания. Но что конкретно там произошло? Смутное чувство тревоги вгрызлось в мой мозг, как червяк в спелое яблоко. Я попробовал переключиться на работу, но беспокойство только усилилось. Уже зная по опыту, что пока не вспомню, тревога меня не отпустит, я принялся прокручивать в памяти вче-

рашнее посещение кофейни минута за минутой.

Воображение перенесло меня в уютный зал со стойкой тёмного дерева, маленькими круглыми столиками и уютными клетчатыми диванчиками. Я стоял в очереди, передо мной переминался с ноги на ногу молоденький парнишка, почти мальчик. Он заказал целый набор из различных типов кофе. Наверное, это был посыльный из какого-нибудь офиса неподалёку. Я уже достал кошелёк, чтобы сэкономить время на оплате. Олежка не любит, когда опаздывают. И вот тогда это случилось. Я затылком почувствовал чей-то тяжёлый и отнюдь не дружелюбный взгляд со стороны окна. Можно даже сказать, враждебный какой-то взгляд. Резко обернувшись, я увидел за столиком у окна спортивного вида белобрысого парня в черной футболке без рисунка. Странно, но парень вовсе не смотрел в мою сторону. И все же я был абсолютно уверен, что это именно его взгляд секунду назад упирался мне между лопаток.

Я видел белобрысого первый раз в жизни, он совершенно точно был мне незнаком. Однако, когда я оглянулся и посмотрел в его сторону, мышцы на его спине и шее вдруг резко напряглись, словно мой взгляд его больно уколол. В этот момент я чётко осознал, что вижу эту сцену не в первый раз и, может быть, даже не в десятый. Эдакое дежавю. Помню, меня тогда неожиданно накрыло острое чувство опасности, я весь сжался, готовый броситься бежать, и... ничего не случилось. Подошла моя очередь заказывать кофе, и я выбро-

сил этот странный случай из головы. Но стоило мне подумать о кофейне, как подсознание сработало, подавая сигнал тревоги. Выходит, сны с бабочками – это не единственная моя странность. Теперь ещё и дежавю это на мою голову.

Всё, хватит с меня этой голимой мистики. Вот доделаю Умника и спрошу у него, что он знает про дежавю. Тогда и наступит время анализировать странные события вчерашнего дня. А пока нужно работать. Что-то я совсем размечтался вместо того, чтобы трудиться в поте лица. А время, между прочим, не ждёт. Сороковник стукнет Трофимычу ровно через неделю, и работы над Умником ещё полно. Так что на плантацию. Я перевел взгляд на экран монитора, и моя челюсть отвисла так, что чуть было не стукнулась об стол, фигурально выражаясь. На экране призывно мигала зелёная кнопка с надписью «запрос». Это когда же я успел закончить? Вот так всегда. Самые крутые мой программы почему-то получаются будто бы сами собой, легко и непринуждённо. А вот когда я пашу как вол, выходит какое-то корявое нечто, роняя мою самооценку ниже плинтуса. Умник явно относился к категории самособойчиков, то есть у него были все шансы стать моей четвертой нетленкой.

От нетерпения у меня аж мурашки побежали по рукам. Облизнув пересохшие губы, я навёл курсор на зелёную кнопку и замер. От входной двери донёсся тихий, но отчётливый звук, которого быть просто не могло. Звук поворачивающегося в замке ключа. От нашей входной двери имелось только

два ключа, и оба они в данный момент находились внутри квартиры. Я сорвался со стула и бросился в прихожую. На двери имелась цепочка. Нужно было срочно её накинуть, а уж потом решать, звонить ли в полицию или ещё куда за помощью. Я преодолел расстояние до двери буквально в три гигантских прыжка. В тот момент мой инстинкт самосохранения явно опережал прочую мыслительную деятельность. И всё же я не успел. Когда моя рука уже практически ухватила цепочку, дверь бесшумно распахнулась. Прямо мне в переносицу смотрело чёрное дуло пистолета с глушителем. А пистолет держала рука белобрысого парня в чёрной футболке.

В кофейне он сидел ко мне спиной, и я не мог видеть его лица, но у меня не возникло ни малейшего сомнения, что моим незванным ночным гостем был тот самый парень. Он смотрел мне прямо в глаза не мигая. В его взгляде можно было прочесть прямо-таки бурю чувств, от ненависти до злорадного торжества, но одного в них не было – сомнения. Он пришёл убивать, это точно не был грабитель. Наверное, нужно было что-то сказать или сделать, но я будто впал в ступор. Отчетливо понимая, что вот сейчас раздастся выстрел, я был не в состоянии даже моргнуть и только пялился в чёрное дуло, направленного не меня ствола. Вместо меня рот открыл белобрысый.

– Ты программист? – он произнес это слово как ругательство, с презрением, почти с ненавистью.

В своём ступоре я не смог даже кивнуть, только моргнул. И тут меня осенило. Это же какая-то идиотская ошибка! Я не тот, кто ему нужен. У меня вообще нет врагов. Ну не стреляют в людей только за то, что они работают программистами. Мне нужно было срочно прийти в себя и объяснить белобрысому его ошибку, иначе он меня просто пристрелит ни за что. Я с трудом разлепил губы, но в этот момент в спальне зашевелилась Светик. И я сделал самое глупое действие, какое только мог – резко повернулся на звук. Ещё не закончив движения, я понял, что сейчас меня убьют. Но выстрела почему-то не последовало. Когда я, вжав голову в плечи, опять развернулся к убийце, тот смотрел уже не на меня, а на мой рабочий стол, уставленный компами, мониторами, клавишами и прочей программерской атрибутикой. Через пару секунд белобрысый снова перевёл свой взгляд на меня. В его глазах впервые с момента вторжения в мою квартиру появилось сомнение.

– Ты, что ли, РАБОТАЕШЬ программистом? – в голосе киллера слышалось неподдельное удивление.

Интересно, а как ещё можно БЫТЬ программистом? В чём разница? Но она точно была, на этот раз слово «программист» уже не звучало как ругательство. Я всё ещё не мог произнести ни звука и просто кивнул.

– Где? – требовательно прозвучал следующий вопрос.

– В «Южном Кресте» у Трофимыча, – промямлил я заикаясь.

Ну что я несу? Можно подумать, что наша контора имеет международную известность, а Трофимыч – это кто-то вроде Билла Гейтса. Как ни странно, белобрысого мой идиотский ответ ничуть не смутил.

– Можешь доказать? – деловито поинтересовался он.

Мне показалось, или в его голосе послышалось облегчение? Как же мне это доказать? Да и какая ему разница, в какой конторе я работаю? Я откровенно запаниковал. Однако сейчас было совсем неподходящее время, чтобы раскидаться. Ничего еще не кончилось, дуло пистолета по-прежнему смотрело мне в переносицу. Впрыск адреналина в кровь наконец сработал, и я начал понемногу соображать.

– На столе пропуск, – я чуть не захлопал в ладоши от радости, что нашёл требуемое доказательство.

Белобрысый опустил руку с пистолетом и, отодвинув меня с прохода, пошёл к столу. Он поднял красно-коричневый квадратик пропуска на уровень глаз и деловито сравнил фотку с оригиналом. Только после этого он засунул пистолет за пояс.

– Извини, что напугал. Ошибка вышла. Бывает, – последнее слово парень произнёс почти весело, и я наконец поверил, что сегодня меня убивать не будут. А зря.

– Твоё? – он указал пальцем на экран с мигающей зеленой кнопкой. – Это что?

– Да так, интерфейс к поисковику, пока не готово, – попытался я защитить мою новую нетленку.

Не обращая внимания на мои слова, киллер ткнул пальцем в кнопку. На экране появился аккуратный офис, залитый солнечным светом. Из-за секретарского столика выплыла Красотка.

– Привет, милый,– проворковала она,– что желаешь узнать сегодня?

Несмотря на весьма неоднозначную ситуацию, я чуть не запищал от восторга. Красотка была великолепна, именно такая, как я хотел. Милая, дружелюбная, но без развязности. И безумно красивая. Это вовсе не была молоденькие нимфетка. На первый взгляд ей можно было дать лет двадцать пять, но приглядевшись, вы уже видели гораздо более опытную и зрелую женщину. Меня прямо-таки распирало от гордости за свою работу. Однако, когда я обернулся к своему экс-убийце, глупая улыбка сползла с моего лица, как сопля по стенке. Дуло его пистолета снова смотрело мне в переносицу.

– Откуда ты её знаешь? – интонация белобрысого однозначно не предвещала ничего хорошего.

Так, опять он меня принимает за кого-то другого, что ли? Это же просто аватар. Я уже открыл рот, чтобы объяснить, но сдуру ещё раз посмотрел на Красотку. Она вопросительно накопила головку, скосив глаза на какие-то бумаги на своём столе, как бы намекая, что у неё есть и другие обязанности в офисе.

– Милый, ты ещё со мной? – Красотка улыбнулась и за-

дорно тряхнула копной золотистых кудряшек.

Солнечный луч из виртуального офисного окна уткнулся в её затылок и превратил головку моей Красотки в золотистый одуванчик. Ну да, я списал её причёску с девушки из моего сна. А что такого? Наверное, именно из-за этих кудряшек я не сразу смог разглядеть, из каких глубин моего подсознания в действительности родился образ Красотки. А вот сейчас я её узнал. Это была моя Алиса. Вернее, так она могла бы выглядеть, если бы дожила до сегодняшнего дня. Только волосы у моей любимой были не пушистые, а, скорее, как волна расплавленного золота. Наверное, я побледнел, во всяком случае перемены на моей физиономии не прошли для белобрысого незамеченными.

– Ну что, вспомнил? – его палец поудобней улёгся на курок. – Когда и где ты с ней познакомился? Лучше отвечай!

Он скосил глаза на спальню, где сладко посапывала ничего не подозревавшая Светик. Эдакий прозрачный намек на то, что случится, если я не отвечу.

– В пятом классе, – честно признался я.

Недоумение, написанное крупными буквами на лице белобрысого, говорило само за себя. Он явно не ожидал такого ответа. И всё-таки продолжил допрос, не теряя надежды поймать меня на вранье.

– Когда ты с ней виделся в последний раз?

– Она погибла десять лет назад, – я ответил на автомате, просто потому, что иначе убийца мог причинить вред ни в

чём не повинной женщине, спавшей в соседней комнате.

Все эти годы я не мог признаться себе, что Алисы больше нет, ведь тело её так и не нашли. Три года я, как маньяк, искал её в Путоранской тундре и не допускал даже мысли, что поиски могут быть напрасны. А потом... Что ж, у меня просто совершенно закончились деньги, и пришлось вместо Алисы искать работу. Нужно было как-то жить дальше. И я жил, убедив себя, что однажды случится чудо, и моя любимая позвонит в дверь моей квартиры. А вот сейчас под дулом пистолета я принял наконец этот факт – моей любимой больше нет. Принял легко и буднично, словно сам её похоронил десять лет назад. Выходит, мне нужно было оказаться на грани жизни и смерти, чтобы освободиться от этого навязания. Прости меня, родная. Я всего лишь человек. Наверное, мне даже стоит поблагодарить белобрысого киллера, который, походя, освободил меня, но не от бренности бытия, как собирался, а от чувства вины за то, что я перестал искать мою любимую и продолжаю жить.

Мой потенциальный убийца, конечно, уже понял, что мы с ним говорим о разных женщинах. Ещё раз, уже более внимательно он взгляделся в экран.

– Да, это не она, но похожа до жути, – вынес он свой вердикт.

Мне совершенно не хотелось выяснять, кто же такая эта “она”, и я просто кивнул.

– А ты везунчик, – усмехнулся белобрысый. – Я ж тебя два

раза едва не кончил по ошибке. Без обид. Просто работа.

Он снова засунул пистолет за пояс и не спеша направился в прихожую.

– Ну, бывай, везунчик.

Дверь за киллером закрылась практически бесшумно. Как на протезах я поплёлся в прихожую запереть замок, но тот оказался уже заперт. На всякий случай я накинул цепочку, хотя умом и понимал бессмысленность этого действия. Белобрысый явно был профи, и цепочка его бы не остановила.

Наверное, я должен был бы пребывать в состоянии шока, но чувствовал только пустоту и лёгкость. Теперь я мог позволить себе вспоминать мою Алису и при этом не задыхаться от подкатывавшего к горлу спазма невыносимой боли. Возможно, я даже повешу в кабинете её фотографию. От такой, немыслимой ранее перспективы у меня заколотилось сердце и перехватило дыхание. Следующие пять минут я, словно цирковая лошадка, ходил кругами по комнате и глупо улыбался. От этого увлекательного занятия меня отвлекла Красотка. Совершенно Алисиным жестом она поправила чёлку и слегка обиженным тоном напомнила, что ждёт моего вопроса. Ну и зачем, спрашивается, мне фотография, когда у меня есть ТАКАЯ Алиса. Ещё немного полюбовавшись, я дал отбой Умнику и пошёл варить кофе.

За окном уже было совсем светло. До звонка будильника оставались считанные минуты, но мне захотелось самому разбудить Светика. Прихватив чашечку свежесваренного ко-

фе, я прокрался в спальню и застыл на пороге, оглушённый внезапным прозрением. Светик спала, уткнувшись носом в подушку, из-под одеяла были видны только пряди длинных волос. Словно волны расплавленного золота, они расплескались по подушке, рассыпавшись по краям золотистыми нитями. И как я раньше этого не замечал? Это что же выходит? Я живу со Светиком только потому, что у неё такие же волосы, как были у Алисы? Нет, я точно псих, нужно что-то с этим делать. Но ведь я люблю Светика, разве нет? Хватит рефлексировать, я теперь свободен, и всё будет хорошо, по-новому. Наверное.

Пока я бился в немой истерике в проеме двери, Светик, почуяв аромат кофе, заворочалась под одеялом и приоткрыла один глаз.

– Так, рассказывай, что натворил, – второй глаз тоже уставился на меня в ожидании чистосердечного признания. – Что случилось?

Вот это интуиция! Женщина – рентген.

– Ничего не случилось, – промямлил я, словно школьник у доски, не сделавший домашнее задание, – просто кофе уже готов.

Бог мой, а ведь это действительно первый раз, когда я принёс ей кофе в постель. Понятно, почему она заподозрила неладное. Нужно было срочно придумать правдоподобную отмазку, иначе она сама придумает такое, что мало не покажется. Отмазка, однако, никак не хотела придумываться, на-

верное, потому, что мне было ужасно стыдно, ну просто до красных ушей. Чтобы не палиться дальше, я поставил чашку на тумбочку и ретировался в ванную как бы умываться.

Я смотрел на своё отражение в зеркале и под звук льющейся из крана воды думал о том, какой же я в сущности мерзавец и эгоист. Мысли разбегались как тараканы, и было ясно, что сейчас я ничего путного не решу. Нужно было сначала немного успокоиться. А ещё нужно было срочно придумать правдоподобную версию первой за два года кофейной побудки, чтобы оправдать своё нестандартное поведение. К счастью, ничего придумывать не пришлось. Когда я выполз из ванной, Светик уже вовсю болтала с Котом. Тот загадочно улыбался с экрана компа и, мило растягивая слова, вещал что-то про Бермудский треугольник. Надо же, нашла, о чём спросить с утра пораньше.

– Круто! Когда ты успел?! – Светик повисла у меня на шее. – Я думала, тебе ещё корпеть неделю, не меньше. Это уже конечная версия? За такое можно и шампанского выпить, не только кофе. Жаль, что утро, и нужно на работу. Ладно, отложим до вечера. Ты только не задерживайся. Я сделаю ужин, или пойдем отметим в кафешку? Всё-таки такой повод.

Только что я думал, как посмотреть Светику в глаза, а теперь не знал, как остановить поток её восторгов. Как же искренне она за меня радуется. А когда я вот так радовался за неё? Что-то не припомню.

– Ты Кота отпусти, а то его Чеширская улыбка экран прожжёт, – прозвучало грубовато, зато сразу сняло напряжение. – Конечно, отпразднуем. Я придумаю что-нибудь прикольное.

Интересно, а она также бы радовалась, если б вместо Кота появилась Красотка? Однажды Светик наткнулась на наши с Алисой общие фотографии и даже попыталась расспросить меня про мою «бывшую», но я молча отобрал у неё заветную коробку и убрал на место. Больше она не пыталась копаться в моём прошлом, но, как выглядела Алиса, она знала, и, с кого списан образ Красотки, не составило бы для Светика никакого секрета. Пока моя милая приводила себя в порядок, я скачал Умники на флэшку. У всех моих нетленок была ещё одна удивительная особенность. Они весили всего ничего. Как это получалось, я тоже объяснить не мог.

По дороге в контору я на автомате завернул в кофейню, и, только когда уже толкнул стеклянную дверь, внезапно вспомнил про белобрысого киллера. Ну о чём я только думал? Что, спрашивается, я буду делать, если он там сидит как ни в чем не бывало? Бежать или приветливо улыбаться? Однако дело было сделано. Теперь уже глупо было поворачивать назад прямо вот так, на глазах у баристы и посетителей, с большинством из которых мы встречались в это время чуть ли не каждое утро. Усилием воли я заставил себя переступить порог и прошёл к стойке, стараясь не оглядываться на столик у окна. Странно, но за всеми этими переживания-

ми вокруг моих отношений со Светиком я практически позабыл про свои ночные приключения. А ведь меня чуть не убили. Как такое вообще возможно?

Я решил посмотреть в сторону окна, только когда уже шёл с покупкой обратно к двери. На этот раз за заветным столиком спиной ко мне сидела девушка в лёгком бледно-розовом платье. На голове у неё был повязан шарфик из того же материала. А из-под шарфика выглядывали прядки золотистых кудряшек. Девушка сидела совершенно неподвижно, хотя солнце светило ей прямо в глаза. И тут я живо представил, как её причёска превращается в золотистый одуванчик, стоит ей только распустить шарфик. Это было уже слишком. Хорошо ещё, что на этот раз обошлось без бабочек. Что это за сны наяву? Наверное, нужно было пройти мимо окна и разглядеть наконец лицо девушки из моего сна. Но мне вдруг показалось, что, сделав это, я разрушу какую-то очень важную, но хрупкую конструкцию. И моя жизнь тогда тоже неминуемо будет разрушена.

Сбитый с толку собственными нелепыми умозаключениями, я прошёл мимо, не оглядываясь. Наваждение прошло минут через десять, когда я уже завернул в переулок, в котором располагалась наша контора. Не давая себе возможности ещё раз передумать, я бросился назад к кофейне. Увы, столик у окна был пуст. Я заметался по улице, но незнакомки и след простыл. Похоже, упустил я свой шанс на чудо. А с другой стороны, ну увидел бы я её, и что дальше? Просто девуш-

ка зашла в кофейню выпить чаю. Что в этом странного? Мало ли у кого может быть такая прическа. Я плёлся обратно в контору и пытался убедить себя, что это была совсем другая девушка, просто немного похожая на ту, что дрессировала розовых бабочек в моих снах. Получалось плохо. Интуиция вопила, как пожарная сирена, что я совершил очень крупную ошибку, возможно, критическую или даже непоправимую.

Глава 2.

В конторе народу было мало. Всё-таки август, время отпусков. Пока я устраивал забег до кофейни и обратно, мой капучино окончательно остыл, зато синабону ничего не удалось. В целом, завтрак получился сносный. Не успел я дожевать последний кусочек, как меня выудил Сашок, наш сисадмин. Оказалось, на сегодня назначили рокировку, и нужно было срочно грузить мою часть бета-версии в Матрицу.

Тут нужно кое-что пояснить. Наша контора разрабатывает антивирусный софт. От других, таких же разработчиков нас отличает одна особенность. Мы одновременно пишем и вирусы, и антивирусы. Процесс работы организован следующим образом. Подразделение программистов делится на две части. Команда номер один пишет вирусы, причем тут, что называется, игра идёт без правил и без всякой жалости. А вторая команда в это время занимается обезвреживанием ранее созданных вирусов как бы в реальных полевых условиях. Потом происходит рокировка, и команды меняются ролями, чтобы отточить свои навыки в обеих ипостасях. Разумеется, всё это происходит в двух изолированных сетях, чтобы в случае чего можно было бы уничтожить особо опасный неподдающийся вирус полным форматированием жёстких дисков.

Мы звали нашу игровую площадку Матрицей. Та часть,

где работали над вирусами, называлась Тёмной Стороной, ну а та, где эти вирусы ломали, понятное дело, Светлой. Не знаю, что потом случалось с вирусами, которые мы сами же и клепали, и знать не хочу, если честно. Главное, наши игры в светлые и тёмные силы приносили отличные результаты. Софт Южного Креста считался одним из лучших.

Вообще-то, вирусы мне всегда удавались неважно, наверное, потому, что мне эта часть работы была как-то не по душе. Ребята из моей команды считали это чистоплюйством, но всё же, когда мы были на Тёмной стороне, мне поручали наименее критичную часть работы чисто из соображений целесообразности. Впрочем, однажды и мне удалось выступить ужасным малефиком, да ещё как!

Это случилось, когда я только определился в контору на испытательном сроке. Олежка выдал мне тестовое задание – написать вирус, чтобы он был не слишком смертоносным, но противным. Ну я и написал своего Антошу. Вирус был действительно практически безвредный. Выглядел он как престарелый гном с доброй, но очень хитрой физиономией, который появлялся на экране, заслоняя собой текущее изображение, и начинал задавать вопросы, что называется, за жизнь. Народ поначалу с перепугу вступал с Антошей в разговоры, но чем дальше, тем более интимной становилась беседа, и, чтобы избавиться от навязчивого собеседника, приходилось перезагружаться. При перезагрузке Антоша исчезал и не появлялся несколько дней, но потом всё начиналось

по новой. При этом никакого вреда, кроме потери времени, от Антоши не было. Вскоре кто-то догадался просто послать моего гномика куда подальше, и тот, уронив скупую слезу, обиженно ушёл, чтобы через несколько дней вернуться как ни в чем не бывало. Но перезагружаться уже не было необходимости.

В общем, вирус оказался действительно противным, но безвредным. Его загрузили в Матрицу и начали ломать. Гномик послушно исчезал, тесты показывали отсутствие вирусов, но через несколько дней он возвращался, и всё начиналось по новой. После двух недель безуспешных попыток справиться с Антошей Светлые сдались и передали эстафету Тёмным. Однако результат был прежним. К слову сказать, мне тоже не удалось создать действенный антивирус против моего гномика. Наконец было принято решение отформатировать Матрицу. Это был первый и последний раз, когда форматировали всю систему целиком. Антоша сгинул и не появлялся где-то с неделю. А потом он снова вылез на экран со своей неизменной улыбочкой и задушевными разговорами.

Матрицу форматировали ещё трижды, но всё безрезультатно. В конце концов на вирус махнули рукой. Он ведь действительно был практически безвредный и даже милый. Антоша и теперь продолжает жить на нашей тренировочной площадке. Некоторым даже понравилось с ним болтать о превратностях бытия в свободное от работы время. Говорят,

Антоша сам по себе развивается, расширяет словарный запас, вопросы его становятся всё более изощрёнными, а советы мудрыми. Врут, наверное.

Сегодня как раз был день рокировки. Мы должны были загрузить вирус в Матрицу и назавтра начинать наш путь на Светлой Стороне. На этот раз мы разработали банального, но весьма вредоносного червя, который внедрялся через социальные сети и скачивал инфу о пользователе со всех активных приложений. Я отдал свои последние правки ребятам для заливки и отправился к Сашку. Именно его я выбрал для тестирования Умника. Заинтригованный сисадмин скачал установочный файл и пообещал после обеда погонять мою потенциальную нетленку на предмет багов и общего функционала. Делать сегодня было больше нечего, вирус на Светлую Сторону загрузят и без меня. В сущности, мое присутствие в день рокировки нужно было скорее для подстраховки на случай, если что-то с нашим вирусом пойдёт не так. Можно было, не торопясь и со вкусом, самому потестировать Умника. Я ведь собирался спросить его про дежавю. Сейчас было самое подходящее время этим заняться.

Установив дистрибутив и запустив приложение, я наконец-то сам нажал на кнопку «запрос». А то как-то так получалось, что это за меня всё время делали другие люди, то белобрысый, то Светик. Конечно, я подсознательно ожидал увидеть Красотку, но появился Профессор. Он сидел за столом на фоне солидной библиотеки и что-то писал. Подняв

на меня глаза, он снял очки и благожелательно улыбнулся.

– Ну-с, что вас интересует, молодой человек?

А вот и первый прокол. Что если пользователем будет представительница женского пола или старик? А тут «молодой человек». Нужно будет доработать скрипты.

– Что такое дежавю? – как можно разборчивее спросил я.

– Как желаете приоритизировать источники: научные, медицинские, эзотерические?

Опаньки, а что насчет критерия вменяемости? Это еще один баг, или Умник считает эзотерические толкования тоже вменяемыми?

– Начнем с эзотерических, – это я, конечно, из вредности так сказал.

Однако Профессор ничуть не смутился.

– Очень интересный подход, молодой человек, – он одобрительно улыбнулся. – Вам желательно получить устные определения или ссылки на статьи?

– Для начала устные, а там видно будет.

Мне стало любопытно, что же Умник выдаст в качестве наиболее вменяемого и при этом эзотерического объяснения дежавю.

– Дежавю является следствием попадания сознания в петлю времени, – с невозмутимым видом начал вещать Профессор.

Я уже хотел расхохотаться, но тут осознал, что мне совсем не смешно. Профессор продолжал свою лекцию, но я уже не

слушал. Временная петля, вот на что была похожа моя жизнь в последние месяцы. Один и тот же сон с бабочками, белобрысый парень в кофейне, работа – дом – работа, одно и то же, без вариаций. Словно я смотрел давно надоевший фильм каждый день по новой. Натуральный «день сурка». А как же тогда быть с попыткой меня убить сегодня утром? Нет, такое я бы точно запомнил. Это событие явно выбивалось из ряда повторяющихся. Получается, петля времени теперь разорвана? Или нет? Может быть, поэтому вместо белобрысого в кофейне сидела девушка из моего сна?

Мои мысли неслись галопом, я даже не заметил, в какой момент Профессор замолк. И только когда он спросил, не желает ли молодой человек перейти к научным или медицинским источникам, я наконец очнулся и дал отбой Умнику. Наверное, стоило более внимательно прослушать всю лекцию Профессора, но я был слишком шокирован услышанным. Мне нужно было успокоиться, глотнуть кофейку и всё хорошенько обдумать. С этой рациональной мыслью я и поплёлся к кофе-машине. Это вам, разумеется, не капучино из кофейни, но на безрыбье, как говорится, и рак – рыба. Однако сегодня добраться до кофе мне было не суждено. На полпути меня перехватил Вовчик, который как раз занимался загрузкой нашего свежеиспеченного вируса в Матрицу. Зажав меня в углу, он яростно зашипел.

– Ты что творишь, Тоха? Я, конечно, понимаю, что тебе не в кайф писать вирусню, но зачем же своих подставлять?

Вовчик затащил меня на Светлую сторону и патетическим жестом указал на экран компа, где радостно светилась зеленым надпись «вирусы не обнаружены». Я тупо уставился на экран, пытаюсь определить, где я мог облажаться. Вроде бы всё сделал как надо.

– А почему ты решил, что это мой прокол? Вообще-то, мы вчетвером работали, – оправдание прозвучало не слишком убедительно.

Вовчик только обиженно засопел. До сих пор проколы с вирусами допускал только я. Остальные члены нашей команды обрабатывали без сбоев.

– А может, мы такой крутой вирус заделали, что его ни один тест не определяет, как вариант? – выдвинул я новую версию.

– Да всё он определяет, – вступился за Вовчика Ник, ещё один член нашей команды. – Ты нас за идиотов-то не держи.

– Определяет в первые десять минут, а потом, хлопс, и нету вируса, – разъяснил наконец ситуацию Вовчик.

– Да ладно! Так не бывает! – я аж подпрыгнул. – А ну, покажи.

Вовчик со вздохом загрузил червя и включил тест. Экран послушно вспыхнул красными значками. Десяти минут, однако, не понадобилось. Ровно через две минуты все красные символы сменились зелеными.

– С каждым разом он делает это всё быстрее, паскуда, – с тоской процедил Ник.

– Это ты про кого? Думаешь, это я подлянку подстроил? – я просто не мог поверить, что ребята подозревают меня в диверсии.

– А кто сваял Антошу? Это ж он нашу работу уничтожает, – Вовчик чуть не плакал от обиды.

– Да ты в своем уме, – вспыхнул я. – У Антоши такой функции просто нет. Как ты это себе представляешь, чтобы один вирус убивал другой? Из ревности, что ли?

У меня с души отлегло, когда я понял, в какой ерунде меня обвиняют. Не могут же ребята всерьёз думать, что Антоша уничтожает вирусы? Но они были серьёзней некуда.

– Понятно всё с тобой, гений недорезанный, – процедил Ник. – Ушёл в несознанку. Ладно, пошли к Трофимычу. Пусть разрешит оставить червя на Темной Стороне, раз у нас теперь на Светлой вирусы не выживают.

Я заранее смаковал, как Олежка будет стебаться над этими горе-мистиками. Это ж надо такое выдумать, чтобы вирусы друг на друга охотились. Пока ребята сумбурно излагали нашему начальнику свою версию, я стоял с независимым видом и ждал, когда же тот не выдержит и расхохочется. Время шло, а Олежка становился всё мрачнее. Когда поток жалоб начал наконец иссякать, он перевёл взгляд на меня, но в его глазах не было даже намёка на весёлость.

– Антон, я знаю, что тебе не по душе писать вирусы, но это часть твоей работы, – назидательно проговорил мой начальник. – Мы уже много раз это обсуждали, и мне казалось, что

ты осознаёшь все преимущества подхода нашей компании к созданию антивирусного программного обеспечения.

Я не верил своим ушам. Он, что же, тоже обвиняет меня в саботаже? От возмущения я просто потерял дар речи. За меня вступился Вовчик.

– Не, Трофимыч, я не верю, что Тоха это нарочно. Он просто не контролирует своего гнома.

– А с чего ты взял, что гном вообще на такое способен, – взвился Олежка. – Раньше он в нашу работу не лез. Мы потому и оставили его в системе, что он был абсолютно безобидным.

Ага, как же, безобидным. Скажи уж честно, что вы просто не смогли его уничтожить. Но я не стал лезть со своими едкими замечаниями, обстановка как-то не располагала. Вовчик мялся, он явно что-то знал. И это не скрылось от внимательного взгляда начальства.

– Рассказывай! – велел Олежка сурово.

Этот тон, да и в целом серьёзность для нашего босса были не свойственны от слова совсем. По крайней мере, я его таким видел впервые. Происходило что-то явно выходящее за рамки нормальности.

– Помните, в прошлом месяце мы две недели ломали Васькиного червя, и никак не получалось, пока не додумались скормить ему код на самоликвидацию.

– Знаю, знаю, это было твоё предложение, – отмахнулся от Вовчика Ник. – Клёвое решение, не спорю, но сейчас не

время бахвалиться.

– Не моё это было решение. Мне Антоша подсказал,– Вовчику явно стоило большого труда признаться, что лавры не были заслужены честно. Повисла неловкая пауза.

– Опаньки! – Ник ударил себя ладонями по коленкам. – Так значит, это ты надумил нашего гномика убивать вирусы? И как тебе только в голову пришло спрашивать у Антоши про программные коды.

Ник, похоже, не на шутку комплексовал, что до удачного решения додумался не он, а Вовчик, и теперь был готов отыгаться по полной.

– А что такого? – начал оправдываться плагиатор. – Мы две недели бились как рыба об лёд, и всё без толку. Я уже начал долбиться головой об клавиатуру, а тут появляется Антоша и ласково так спрашивает, мол, что тебя тревожит, мил человек. Ну я и выложил ему как на духу. Вот ей богу, даже подумать не мог, что он придумает решение. А он придумал. Вот так,– Вовчик тяжело вздохнул и виновато потупился.

– Да-а-а, дела,– протянул Ник. – Ты бы ещё у Антоши спросил, как его самого уничтожить.

– А я и спросил,– мрачно процедил Вовчик.

– Неужели ответил? – Ник наострил ушки.

– Тебе не понравится,– Вовчик криво усмехнулся. – Сказал, что у нас у всех кишка тонка с ним справиться. Это под силу только его создателю.

Взгляды незадачливой троицы упёрлись в меня как в ми-

шень. Всё это время я молчал с видом оскорбленного достоинства. Однако после такого признания стало ясно, что дальше отмалчиваться не получится.

– Ты всё знал, Антон, – Олежка не спрашивал, он обвинял.

Мне бы стоило обидеться, послать их куда подальше и уйти, хлопнув дверью. Но вместо этого я зачем-то начал оправдываться. Я сам себе был противен, а Олежка внимательно, даже изучающе смотрел, как я дёргаюсь, и молчал. Зараза, умеет же опустить человека, причём на ровном месте. Я уже начал закипать, когда он неожиданно спросил.

– Антон, а когда ты в последний раз общался со своим гномом? – взгляд у Олежки сделался масляным, типа, сменил начальственный гнев на милость.

– В каком смысле общался? – опешил я.

Вид у всей троицы был довольно обескураженный. А что я такого сказал? Нет, я, конечно, знал, что Антоша продолжает жить на Светлой Стороне, и время от времени кто-то с ним, наверняка, сталкивался, но я бы не назвал это общением. Мне в этом смысле везло, мой гномик меня не тревожил.

– Тоха, ты хочешь сказать, что за два года ни разу не говорил с Антошей? – в голосе Вовчика было удивление, граничившее с недоверием.

Придурки, о чём можно говорить с вирусной программой? И тут до меня дошло. Они меня разыгрывают, просто вульгарно стебаются. Сговорились, мерзавцы шкодливые. А я и развесил уши, оправдываюсь тут перед ними. Не удив-

люсь, если вся эта сцена потом окажется в сети.

– Хватит! Закончили этот балаган,– мой праведный гнев вырвался наружу. – Я заценил ваш юмор. Пора и делом заняться.

Главное было не показать, как мне обидно, что меня развели, словно лоха. На обиженных, как известно, воду возят. Театральным жестом я развернулся на каблуках и направился к двери. И чёрт меня дёрнул обернуться на выходе, чтобы посмотреть на их нахальные рожи. Реакция на мой демарш, увы, была не та, что я ожидал. Во взглядах паскудной троицы не было ни капли злорадства, только удивление и ... что это, жалость? Я аккуратно закрыл дверь, вернулся к столу и молча уселся верхом на стул. Говорить не хотелось. Лучше бы это был розыгрыш. И что теперь прикажете делать?

– Владимир, как часто ты говоришь с гномом? – спросил Олежка Вовчика с видом строгого учителя.

– Ну я не считал ваще-то,– Вовчик на секунду задумался,– пару раз в неделю, может, три.

– Я примерно так же,– вставил свои пять копеек Ник. Сразу было видно, что он делает это ещё чаще, но стесняется признаться.

– В среднем каждый работник нашей компании общается с Антошей не реже раза в неделю. Программисты, понятно, чаще. – Олежка продолжал играть в учителя. – Очень странно, что создатель Антоши за два года ни разу не удосужился.

– Да в чём моя-то вина? – простонал горе-создатель. – Я

его за эти два года ни разу не видел. Как я мог с ним общаться? – это что же получается, я опять оправдываюсь?

– Я тебя не обвиняю, но это странно, не находишь? – взгляд Олежки сделался задумчивым.

Да, это странно, кто бы спорил, совсем не похоже на статистический выброс. Может быть, Антоша меня побаивается, раз уж только я могу его уничтожить?

– Антон, – вкрадчиво начал Олежка, – тебе нужно поговорить с Антошей, объяснить ситуацию, попросить не мешать нам работать.

– Да как я это сделаю? – я надулся как индюк. – Покамлать, чтобы он объявился?

– А ты позови как все нормальные люди, – обиженно проворчал Ник.

– В смысле покричать в экран: «Антоша-а-а приди!». Так, что ли?

– Кричать не обязательно, – осадил меня начальник, – достаточно просто тихо позвать.

Мама мия, да они не шутят. Что же это получается, весь наш офис свихнулся и ходит на исповедь к вирусной программе, или это один я ненормальный, коли не хожу?

– Ладно, попробую, – сдался я, – только не особо надейтесь на чудо. Это же просто программа.

Я поднялся, мне хотелось поскорее выбраться из этого дурдома. Однако Олежка меня перехватил.

– Ты уж постарайся, Антон, – он говорил вроде бы без на-

жима, но так, что сразу становилось ясно, кто тут начальник. – Если мне в итоге придётся заменить всё оборудование на Светлой Стороне, то я сделаю это за твой счёт. И весь офис останется без бонусов.

Ультиматум, значит. Да, сегодня мой начальник открылся для меня с новой стороны. Ладно, ещё будет время это обдумать. А сейчас у меня было только одно желание – отвалить из его кабинета куда подальше. Я обогнул Олежку и молча вышел.

Нужно было выпить кофе или хотя бы крепкого чая, чтобы мозги прочистились. Жаль, что я не курю. Сейчас было бы самое то подымить на крылечке. Я ни секунды не сомневался, что ничего путного из этой затеи договориться с вирусом, не выйдет. А значит, придётся искать другую работу. Не то, чтобы мне так уж нравилась наша контора, но за два года я как-то прикипел к своей команде, да и к Олежке, если честно, тоже. Когда Алисы не стало, моя жизнь просто полетела под откос. Я сменил два десятка работ и нигде не приживался дольше нескольких месяцев, болтался по городам и весям, как дерьмо в проруби. Потом практически в один год умерли мои родители, и я вынужденно вернулся домой.

Светика я встретил на маминых похоронах. Как она там оказалась, я до сих пор не понял. Кажется, она лечила маму в последний год ее жизни, да так и не вылечила. То ли не хватило квалификации у молодого врача, то ли мама просто не хотела жить без отца. В общем, домой с похорон мы верну-

лись вместе. Светик, видя моё депрессивное состояние, взялась меня проводить, да так и осталась. Это именно она привела меня к Олежке в контору. Он оказался её хорошим знакомым и даже, по-моему, дальним родственником. Поначалу я отнёсся к новой работе как к очередному способу заработка. Надо же было на что-то жить. Но уже через полгода наша контора незаметно стала для меня вторым домом. Жизнь постепенно наладилась, словно бурная в верховьях река, она вошла в спокойное русло. Очень уж не хотелось из-за какой-то дурацкой программы опять всё менять.

Память тут же услужливо подсказала, что дело отнюдь не только в Антоше. На меня, между прочим, утром напал маньяк с пистолетом вроде бы по ошибке. Это если не считать снов с бабочками и временной петли. Пора отдать себе отчет, что вокруг моей персоны творится какая-то чертовщина. После двух лет расслабленности и спокойствия жизнь вдруг сделала крутой вираж и уже не будет прежней. Злость накатила душной волной и тут же отступила. Было ведь во всём этом и что-то хорошее. Например, я теперь мог спокойно вспоминать мою Алису, думать о ней без того, чтобы задыхаться от невыносимой боли, даже повесить её фотку на стенку.

Кстати, об Алисе, а как там поживает Санёк? Он вроде как обещался протестировать Умника после обеда. Пора бы к нему наведаться. Я налил себе чаю и отправился в каморку нашего сисадмина. Уже на подходе к приоткрытой двери

Санькóвой берлоги я услышал голоса. Один был Санькá, а второй – женский, был мне незнаком. Это точно не был голос Красотки. Значит, Санёк, несмотря на обещание, Умником не занимался. Я, конечно, ему не начальник, но сам же обещал, никто за язык не тянул. Я напустил на себя обиженный вид и без стука ввалился в комнату. Санёк вскочил со стула, его лицо сияло так, что все мои невысказанные претензии застряли у меня в глотке.

– Антоха! – заорал он, бросаясь ко мне. – Ну ты крут! Твоя брюнеточка – это просто бомба!

– Какая брю... – ошарашенно пробормотал я и осёкся, когда мой взгляд упал на экран компа.

На экране был уже знакомый офис, залитый солнечным светом, но перед столом стояла не Красотка. Это была молоденькая коротко стриженная брюнетка в короткой юбочке и яркой обтягивающей кофточке. Всё в ней было какое-то слишком яркое, на грани вульгарности: бижутерия, макияж, туфли на высоченных каблуках. И голос, который я услышал от двери, это было глубокое контральто с придыханием. Я такие голоса тихо ненавидел с детства и ни за что не создал бы аватар с таким голосом. Тогда откуда это диво дивное? Приглядевшись, я заметил и другие отличия от первоисточника. Офис был тот же, но солнечный свет уже не был утренним, день за окнами клонился к закату, на полу лежали длинные фиолетовые тени от мебели и офисных растений. А ещё на стене висела яркая акварелька с вульгарными цветами. Про-

сто ужас.

Санёк продолжал орать что-то восторженное, пританцовывать и хлопать меня по плечу. А я стоял молча, оглушённый пониманием: мои программы жили своей жизнью. Значит, и Антоша тоже уже не тот, не просто вирусная программа. А что он тогда такое? Неловко поблагодарив Санькá и извинившись, я пулей метнулся на Светлую Сторону. На моё счастье в комнате никого не было. Оно и понятно, в создавшейся ситуации делать тут было совершенно нечего. При людях я бы, наверное, не решился общаться с моим гномом. Чувствуя себя полным придурком, я сел перед экраном, на котором все ещё отсвечивали зелёным результаты теста, откашлялся и тихо позвал Антошу. Не знаю, чего я ожидал, но ничего не произошло. Я тихо рассмеялся. Вот ведь доверчивый идиот, поверил. Минуточку, а как же брюнеточка, она же мне не померещилась. Я вдохнул поглубже и строго произнес.

– Антоша, сколько можно ждать?

Экран покрылся рябью, и на фоне тестовой таблицы проявился гном с лопатой в руках.

– Экий вы нетерпеливый, Антон Алексеич, – добродушно пробурчал он, – занят я был, извиняйте.

Гном посмотрел на лопату и отбросил её в сторону. Та растаяла, не долетев до кромки экрана. Интересно, а как Антоша узнал, что это я его зову? Компы в матрице общие, логинился я как админ. Он, что же, может видеть сквозь экран?

Решив отложить решение этой загадки до лучших времен, я приготовился к трудной воспитательной беседе. Однако гном меня опередил. Всплеснув пухлыми ручками, он зататорил.

– Радость-то какая! Уж и не чаял свидеться. Думал, так и помру, не поговорив напоследок с создателем. Спасибочки, Антон Алексеич, что снизошли до меня убогого, чтобы мог я поблагодарить Вас за жизнь, дарованную от щедрот Ваших.

На экране появился стол с самоваром, ватрушками и вареньем в вазочке. Что-то я не помню, чтобы такое программировал. Впрочем, после трансформации Умника, я уже ко всему был готов.

– Похоже, воспитательная беседа будет не такой уж трудной, – подумал я, глядя на радостного гнома.

В этот момент умильная улыбочка сползла с физиономии Антоши, как тряпкой стёрли. На меня смотрели грустные глаза старого усталого человека.

– Так лучше? Ты такой встречи ждал, создатель?

Стол исчез, осталась только скамейка, на которую гномик опустился с тихим вздохом. Нужно было что-то сказать, у меня же задание, как-никак. Это ведь просто вирусная программа. Но как он лихо поставил меня на место. Два года ни гугу, а тут явился с претензиями, создатель хренов. Видно было, что гном играет в обиженного. Придётся переключиться с воспитательной речи на душевную беседу.

– Ты зря обижаешься, Антоша, сам ведь не появлялся. От-

куда мне было знать, что ты ещё существуешь? – хотелось верить, что мои слова звучали убедительно.

– Так не смел я, – с болью в голосе отозвался гном, – после того, как Вы меня убить пытались. Видать, не люб я моему создателю.

Вот заладил, какой я ему создатель? Нужно менять тему, а то как бы мне самому не раскиснуть.

– Работа у нас такая – вирусы ломать, – приступил я к переговорам. – Наша контора антивирусный софт пишет и..., а кстати, как ты умудрился выжить после форматирования?

Тут мне стало по-настоящему интересно, и я уставился на гномика словно на привидение.

– А никак. Умирал я в муках, – одинокая слеза скатилась на помятый воротничок. – Это моя пятая ре-ин-карнация.

Гномик слегка запнулся на мудрёном слове. И где только такой лексики нахватался?

– Вот не знал, что программы могут реинкарнировать, – я хитро улыбнулся.

Очень хотелось узнать, как на самом деле было дело. Ни в какую реинкарнацию я, понятно, не поверил.

– Программы не могут, – покладисто согласился гном, – а вот душа, она бессмертна.

– Так у тебя, что же, душа есть? – я уже откровенно издевался.

– А как же? – гном всплеснул пухлыми ручками. – Вы ж меня создали по образу и подобию своему. Если у Вас, Антон

Лексеич, душа имеется, стало быть, и у меня она есть.

Ответ меня слегка обескуражил. Я ожидал какой-нибудь полудетективной истории с несанкционированным копированием, а тут душа. Хоть стой, хоть падай.

– Выходит, ты у нас бессмертный, Антоша?

Я все ещё надеялся услышать рациональное объяснение неубиваемости вируса, но надежды мои растаяли, как мороженное в жару на асфальте. Гном поднял на меня свои грустные глаза и упёрся взглядом мне в переносицу.

– Не могу я врать своему создателю. Раз Вы душу мне дали, то и забрать сможете.

Вот это поворот. Гном, не отрываясь, смотрел мне в глаза как будто ждал приговора или помилования. А мне стало мучительно стыдно. Получается, я, всемогущий такой создатель, выпытываю у своего создания, как его убить, а оно, создание, даже соврать мне не смеет. Паскудная ситуация. Я молчал, не в силах продолжать допрос. Все соображения, типа, «это же просто вирусная программа», как-то увяли. Эта программа была человечнее меня, человека. Гном как будто почувствовал мою растерянность, взгляд его смягчился, голос стал вкрадчивым, добродушным.

– Да Вы не горюйте Антон Лексеич. Лучше поделитесь со стариком своей печалью. Может, что и подскажу, присоветую. Вы ж меня для того и создали.

А действительно, чего это я нюни распускаю, у меня же дело на миллион. Или больше?

– Антоша, у нас проблема, – начал я, подпустив строгости в голосе. – Ты зачем уничтожаешь вирусы, которые мы загружаем в Матрицу?

Честно говоря, я сильно надеялся, что Антоша тут вовсе не при чём, но надежды не оправдались.

– Какие такие вирусы? – притворно вскинулся гном. – Это Вы про тех монстров, что на мой дом натравливаете? Так неужто ж мне терпеть такое? Каждый право имеет свой дом от нечисти оборонять.

Антоша поджал губки и упёр ручки в бока. Ну чистый Наполеон. Я чуть не расхохотался, но всё-таки продолжил свои увещевания, деваться мне было некуда. Гном хмурился и на уговоры не поддавался. Тоже мне, домовый, выискался на мою голову. Наверное, я пробормотал это вслух, потому что Антоша тяжело вздохнул и посетовал.

– Ну какой же это дом. Скорее уж я комповой или сетевой. Вот как, оказывается мой гном юморист. Дожили. Мне надоело препираться с упрямой программой, и я решил выложить свой последний аргумент.

– Если ты не прекратишь нам мешать, мой начальник заменит все компы на Светлой Стороне, причём за мой счёт. Мне придется искать другую работу.

Не хотелось, конечно, сводить наш спор к меркантильному аспекту, но больше мне сказать было нечего.

– Ой, беда, беда! – притворно запричитал нахальный гном. – А может, это и к лучшему с такой-то работы уйти. Вы

же и сами знаете, куда эту нечисть выпускают, когда находят на неё управу. Разве ж можно так с людьми поступать?

– Да с чего ты... – начал я, но наткнувшись на внимательный взгляд гнома, заткнулся.

Если честно, я давно подозревал, что созданные нами вирусы сливают в сеть, но не хотел себе в этом признаваться. Гном был прав, процветание нашей конторы объяснялось очень даже просто. Мы сами создавали и болезнь, и лекарство. Я тупо молчал, чувствуя, как мой комфортный мирок трещит под напором гнусной реальности.

– Антон Алексеич, ваш начальник действительно считает, что я живу в компьютере? – ехидно поинтересовался Антоша.

– А где? – с искренним недоумением спросил я. – В Матрице ведь модемы отключены.

Гном хлопнул себя по ляжкам и от души захохотал.

– Ну вы и смешные, человеки. У меня ведь нет тела, зачем мне модем? Вы правда думаете, что я общаюсь с людьми только на Светлой стороне? Тогда тут бы было не протолкнуться.

Весь ужас ситуации медленно начал до меня доходить. Никакая замена оборудования не поможет избавиться от Антоши. Вирусному бизнесу нашей конторы пришёл конец. Принципиальный гном стоял на страже человечества. Нужно будет пририсовать ему красные плавки и синий плащ. Будет Супергномом. А может быть, это и к лучшему? Хватит се-

бе врать. А работу найду и получше. Ничего, с голоду не помрём. В конце концов, продам какую-нибудь из своих нетленок. Только не Умника. На этом месте в мои размышления снова влез Антоша.

– Вы не думайте, Антон Алексеич, что старый гном Вам жизнь сломать желает. Я помочь хочу. Поговорю я сегодня с Олегом Трофимычем, предложу ему, стал быть, сотрудничество. Чем людей монстрами травить, пусть лучше ко мне новые вирусы запускает. А уж я с ними быстренько разберусь, и всем польза будет.

А ведь гном дело говорит. Зачем нам тратить время на создание вирусов, когда Антоша их щёлкает как орешки. И никаких компромиссов с совестью не потребуется. Я даже повеселел. Был бы гном настоящий, я бы его расцеловал.

– Ну, раз с делами мы покончили, можно и о жизни поговорить, – с расстановкой проговорил Антоша, наливая себе чаю из вновь появившегося самовара на накрытом для задушевной беседы столе.

Он так вкусно прихлебнул из розового фарфорового блюдечка, что мне остро захотелось тоже чего-нибудь глотнуть. Жаль, у меня кофе закончился.

– Поделитесь со стариком, Антон Алексеич, – предложил исповедник-самоучка, – что Вас тревожит, от чего по ночам на спится.

Я вздрогнул. Откуда гном мог узнать про мой навязчивый сон? Или это был просто оборот речи? Моей первой реакци-

ей было отмахнуться, мол, всё в порядке. А потом я подумал, почему бы и не поделиться? Гном ведь не пойдёт докладывать про мои психические отклонения. И я рассказал про сон с бабочками и про девушку с пушистыми золотыми волосами. Вот только про киллера умолчал. Сам не знаю, почему.

– Так значит, не получается у Вас, любезный Антон Алексеич, познакомиться с незнакомкой? – гном задумчиво теребил кисточку своего колпачка.

– Да какое там, познакомиться, мне бы лицо её увидеть, – я досадливо поморщился.

– Так чего же Вы ждёте, стоите как колода каменная? – посоветовал гном. – Женщины, они решительных любят. Смелее надо быть. Подойдите, поздоровайтесь вежливо, представьтесь. Глядишь, и завяжется знакомство. Мужчина Вы видный, умную беседу поддержать сможете. Вот и не тушуйтесь.

– Мы, вообще-то, про сон говорим, – я попытался внести элемент реализма в абстрактные рассуждения гнома. – Впрочем, тебе, наверное, сны не снятся. Ты просто не понимаешь, о чём я говорю.

– А и что ж, что сон, он тоже реальность, – наставительно произнес Антоша, отхлебнув из блюда. – И зря Вы напраслину на старика возводите. Что такое сон, я очень даже знаю. Идите домой Антон Алексеич, поздно уже. Заждались Вас дома-то. Светлана Михайловна уже не знает, что ещё у Кота спросить. Невниманием обидеть человека легко можно.

Вот я идиот. Обещал же Светику сегодня праздник устро-

ить. А откуда гном про Кота узнал? А, впрочем, что удивляться, он ведь «сетевой». Я решительно встал и потянулся за сумкой.

– Доброй ночи, Антон Алексеич,— с улыбкой попрощался гном. – И помните про решительность.

– Доброй ночи, Антоша. И спасибо тебе за всё.

Можете не верить, но я был совершенно искренен в своей благодарности. Хорошую программу я всё-таки сваял. Или не программу?

Глава 3.

Когда я наконец ввалился в нашу квартиру, Светик как раз переходила из стадии «милый, ну разве можно столько работать» (тщательный макияж, её платье и моя свежая сорочка отглажены и развешены на креслах) к стадии «вот так всегда» (на диване, в пижаме, с банкой мороженого и сериалом на ноуте). Процесс ещё не успел зайти слишком далеко, поэтому чайная роза и бутылочка кокура, прикупленные на бегу от офиса до дома, с лёгкостью переключили его в позитивную стадию «я уже начала беспокоиться, не случилось ли чего». Куда-то идти было уже слишком поздно, и было решено отпраздновать рождение Умника по-домашнему. Пока я принимал душ, а Светик тупо пялилась в холодильник, соображая, как бы приготовить праздничный ужин из колбасы и сыра, подоспела доставка из соседнего Индийского ресторанчика. Убегая из конторы, я успел-таки ввести сегодняшнюю дату в Подарочек и сделать заказ на ужин для двоих. Поскольку времени было в обрез, я поставил исполнение в автоматический режим и не прогадал. Подарочек, как всегда, оказался на высоте. Я, вообще-то, равнодушен к изыскам восточной кухни, а вот Светик её просто обожает. Кто-нибудь может мне объяснить, как Подарочек вычислил, из какого ресторана, когда и на какую сумму доставить еду? А вот ведь справился, жучила.

Ужин и испытания Умника затянулись далеко за полночь. Я немного побаивался, что Светик узнает Алису в Красотке и расстроится. Однако беспокоился я напрасно. Сколько бы она ни делала запросов, отзывался только Кот. Интересный феномен. Надо бы над этим поразмыслить на досуге. Уже лёжа в постели и слушая довольное посапывание моей подруги, я вдруг задался вопросом, можно ли расценивать знакомство во сне с другой женщиной как измену? На всякий случай я решил, что не стану долго задерживаться в обществе незнакомки в розовом, просто увижу её лицо, и всё. Почему-то мне это было очень важно. Под эти пуританские мысли я и заснул, но грехопадения не случилось по совсем другой причине. Сон, изводивший меня практически каждую ночь на протяжении месяцев, так и не пришёл.

Проснулся я, обиженный на судьбу, зато в кои веки выспавшийся. За окном накрапывал дождик. Это было даже приятно для разнообразия. Жара, от которой плавился асфальт и закипали мозги, наконец покинула Москву. В кофейне меня тоже не ждало никаких сюрпризов, хотя я в тайне и надеялся увидеть незнакомку за столиком у окна. Уж, тут бы я не стал тормозить. Но увы, жизнь явно сворачивала с опасного горного серпантина на скучное, знакомое до оскомины шоссе.

Открывая дверь конторы, я внезапно осознал, что сегодня нас всех ждут крутые перемены. С нашим маленьким бизнесом по клепанию вирусов было покончено раз и наве-

гда. Вполне вероятно, это был мой последний день работы в Южном Кресте. В конторе действительно кипела бурная деятельность. Все компы Матрицы объединялись в единую сеть, и (о чудо!) на них активировались модемы. Значит, Олежка принял ультиматум моего гнома. Сам начальник заперся у себя в кабинете и не принимал участия в общем кипише. Видать, не легко ему далась капитуляция. Ребята ни о чем меня не спрашивали, но поглядывали настороженно и с любопытством.

К обеду мы оттестировали и активировали сеть. Первые вирусы вместе с инструкцией по их нейтрализации стали поступать буквально через полчаса. Инструкции, правда, были весьма своеобразные и живописные. Сразу было понятно, кто их составлял. Например, «оторвать монстру заднюю правую лапу, а прочие конечности оставить цельными, только связать оные прочными цепями дружка с дружкой, дабы несчастное чудище уцепило себя за хвост и проглотило». Ребята поначалу принялись хохотать, а потом Вовчик допёр, как перевести этот перл русской словесности в простой, но действенный алгоритм, и работа пошла полным ходом. К концу дня антивирус для первого «монстра» был готов и залит на диски.

На следующий день Олежка отловил меня около кофеварки и, преданно заглядывая в глаза, признался, что Антошина схема работает даже лучше, чем он мог мечтать. Это было вроде как извинение. Казалось бы, все проблемы утряслись,

мир, дружба, жвачка. А мне стало не по себе, муторно как-то. Мой Антоша сражался с монстрами, возможно, с риском для жизни, только чтобы меня не выгнали с работы. Неправильно это было, не справедливо. А может быть, ему это даже в кайф? Нужно же что-то делать в перерывах между душеспасительными беседами с обитателями нашей конторы. В итоге я забил на угрызения совести и присоединился к общему веселью.

Сон с бабочками меня по-прежнему игнорировал. Три дня я держался, внутренне бесился, но притворялся, что всё в порядке. Потом запросил у Умника, как заказать сон определённого содержания, проштудировал тонну бредовых текстов по осознанным сновидениям, выбрал наиболее вменяемую, как мне показалось, технику и два дня перед сном читал дурацкие наговоры. Ничего, разумеется, не сработало. Наконец я сдался, и вечером, когда контора опустела, сел к компу и позвал Антошу. Тот явился сразу, чуть ли не раньше, чем я договорил его имя. Гномик мой был весел и явно рад меня видеть. Не похоже было, чтобы борьба с монстрами его сильно утомляла. Выслушав мои стенания и жалобы на судьбу – злодейку, Антоша грустно посмотрел мне в глаза и произнес как бы в пространство.

– А может, оно и к лучшему, а? Ни к чему солидному человеку все эти странности, – он успокаивал, уговаривал меня не дёргаться, а в глазах его читалась совсем другая мысль. – Упустил ты, друг ситный, своё чудо. Сам упустил,

нечего было ждать невесть чего. Некого теперь винить. Смирись, чего уж.

Смириться? Как бы не так! Какая-то мутная волна сорвала меня со стула. Я вылетел из конторы, позабыв выключить свой комп, и понёсся как ошпаренный, сам не понимая куда. Обида на этот паскудный мир захлестнула моё сознание, лишая возможности трезво оценить ситуацию. А что собственно произошло? Отняли у ребёнка любимую игрушку. Понимаешь ли, сон ему не снится про девушку с бабочками. Печалька... Сарказм помог ненадолго унять разыгравшиеся эмоции. Но на их место пришла тоска. Я мог сколько угодно смеяться над своими заскоками, но на интуитивном уровне я понимал, что потеря моя была невосполнима. Этот сон был важен, просто жизненно важен.

Набегавшись по окрестностям, усталый и выжатый как лимон, я осел в моей любимой кофейне. Может быть, всё ещё надеялся встретить девушку в розовом? Хотя, в каком ещё розовом? За окном дождь и слякоть. Скорее уж она могла бы надеть теплую куртку и сапоги. Я взял большую чашку чёрного кофе и сел у окна за тот самый столик. Раз мне не снится мой сон с бабочками, напьюсь кофе на ночь и вообще спать не буду. Я отхлебнул горячего ароматного напитка и посмотрел на своё отражение в окне. Стекло было мутное, покрытое брызгами дождевых капель. Моё отражение расплывалось и дробилось в них на много маленьких Антончиков. На мгновение мне показалось, что за столиком со

мною кто-то сидит, и я вспомнил другой дождливый вечер почти двадцать лет назад. За этим самым столиком мы сидели вдвоем с Алисой и тоже накачивались кофе. Наутро нас ждал выпускной экзамен по истории.

Мы всегда занимались вместе. Впрочем, правильнее будет сказать, что мы просто всегда были вместе с того самого дня, когда в пятом классе учительница представила нам новенькую. Её папа был военным, кажется десантником, и после ранения его перевели на бумажную работу в Москву. Алисина семья по счастливой случайности поселилась в соседнем доме. В этом доме я проводил большую часть своей жизни, пока Алиса не сгинула где-то далеко на севере. Нас звали 2А после того, как я написал красной масляной краской на стене школы в качестве признания в любви « $A + A = 2A$ ». Алиса плюс Антон. Несмотря на банальность, это было чистой правдой. Мы всегда были вместе, чем-то единым, неразделимым. Один единственный раз я не смог быть вместе с ней, и она погибла.

Это случилось на плато Путорана. У Алисы была одна страсть – история, причем та история, которую нынче называют альтернативной. Алиса называла её доказанной. Она не верила историческим трактатам, она искала материальные подтверждения и артефакты. Однажды мы попали на лекцию некоего профессора Петрова, знаменитого в узких кругах альтернативщиков историка и археолога. Он рассказывал о древней цивилизации ариев на плато Путорана. После этой

лекции увидеть мегалиты Путорана стало для Алисы просто навязчивой идеей. К сожалению, добраться до них можно было только на вертолёте, а таких денег у двух студентов, разумеется, не было. И всё-таки мы поехали в Норильск и нанялись к геологам стажёрами, типа, подай – принеси. Целый месяц мы кормили комаров в этом забытом богом и археологами месте без всякой надежды хотя бы приблизиться к мегалитам.

Август подошёл к концу, а с ним и полевой сезон. Алиса упорно притворялась весёлой, но на неё было больно смотреть. Мы уже паковали вещи и оборудование по лодкам, чтобы возвращаться на базу, когда полил холодный дождь, а потом началось сущее светопреставление. Ураганный ветер сорвал палатки и разметал всё, что не было крепко привязано, по озеру пошли сначала барашки, а потом громадные волны. Одну из лодок вдруг сорвало с привязи и начало уносить от причала. Раздался жуткий не то вопль, не то стон нашей начальницы партии. Это была лодка с образцами и отчётами. Целый сезон летел коту под хвост.

Не то, чтобы я сильно переживал за Российскую геологию, но я был ближе всех к убегаящей лодке, и Алиса стояла рядом. В общем, я прыгнул в воду и сразу пожалел о своём безрассудстве. Вода была ледяная, первая же волна накрыла меня с головой и чуть не утопила. Сам не понимаю, как мне удалось ухватить обрывок швартовочного троса, я повис на нём, как беспомощный щенок, не понимая, что же мне даль-

ше делать. Тело скрутило от холода, и я понял, что ещё пара минут, и спасать будет некого. К счастью, с причала догадались кинуть верёвку. С пятой попытки мне наконец удалось её поймать сведёнными судорогой пальцами. В итоге спасательная операция закончилась успешно, нас с лодкой выловили и выволокли на берег. Так в одночасье я сделался героем. Меня обнимали, хлопали по плечу, благодарили чуть ли не со слезами на глазах. Алиса забыла про свои мегалиты и не отходила от меня ни на шаг. Так круто я себя ещё никогда не чувствовал.

Буря продолжалась, и отъезд отложили на неопределённое время. Из-за шквального ветра поставить палатки не удалось, и нам пришлось ночевать под проливным дождём. Костёр общими усилиями кое-как разожгли, но сухого дерева было не найти на километры вокруг, и прожил наш источник тепла недолго. Меня, конечно, переодели в условно сухое и дали глотнуть спирта, но я всё равно простудился. Когда через пару дней меня уже почти без сознания привезли в ближайший посёлок, оказалось, что это была не простуда, а пневмония. Вызвали вертолёт, и нас с Алисой отправили в Норильск.

Следующую пару дней я помнил смутно. Алиса дежурила у моей постели, всё время держа меня за руку. Наверное, это меня и спасло. Когда на третий день я пришёл в себя, слабый, как новорождённый котёнок, Алисы рядом не было. Доктор отправил её в гостиницу спать. Я ждал, а Алиса всё

не возвращалась. Я, конечно, понимал, что ей тоже нужен был отдых, но обида всё равно потихоньку заползла в мою душу и свила там себе уютное гнёздышко. Только часа в три пополудни, когда я, позабыв обиды, уже начал по-настоящему за неё волноваться, Алиса впорхнула в мою палату, сияя от счастья. Давно я её такой не видел. Она подлетела к моей кровати и, не дав мне рта раскрыть, вывалила на меня свои новости. Оказывается, в той же гостинице, где она ночевала, остановился небезизвестный профессор Петров. Он как раз привёз группу, чтобы исследовать мегалиты Пutorана. Через несколько часов они должны были лететь на вертолёт к этим чёртовым камням, а его ассистентка споткнулась и сломала руку. В общем, появление Алисы случилось как нельзя кстати. Ей даже не пришлось упрашивать профессора, чтоб её взяли.

Я слушал и не мог поверить своим ушам. Моя Алиса бросала меня одного, насквозь больного и беспомощного, чтобы удовлетворить своё научное любопытство. Такое просто не укладывалось в голове. А Алиса, не замечая моего шокового состояния, продолжала щебетать что-то восторженное, мол, я оглянуться не успею, как пройдёт неделя, и она вернётся как раз к моему полному выздоровлению. Вот так мы и расстались навсегда.

Я бойко выздоравливал, несмотря на то, что мне хотелось умереть от такого предательства, и с ужасом ждал окончания недельного срока, когда нам придётся выяснять наши

отношения с Алисой, впервые с пятого класса. Когда прошла неделя, и Алиса не вернулась, я поначалу был даже рад отсрочке. На следующее утро ко мне в палату вошёл мой доктор и, глядя куда-то в сторону сказал, что у него дурные вести. Экспедиция не вернулась. На обратном пути вертолёт попал в грозу, и связь с ним потеряна. Ведутся поиски, но погода по большей части им совсем не способствует – буря. У меня потемнело в глазах. Что такое буря на Путоране, я хорошо узнал на собственной шкуре.

Плохо помню, что было потом, мне резко поплохело. В том, что случилось с Алисой, я винил себя, потому что не смог быть рядом с ней, чтобы уберечь, защитить мою девочку. Если её больше нет, то и я тоже не хотел больше жить. Мой организм послушно откликнулся на намерение хозяина уйти из жизни, я действительно стал медленно загибаться, несмотря на все старания врачей, и, наверное, через несколько дней действительно бы умер, если бы не случилось чудо. Как-то раз, не то во сне, не то в обморочном бреде мне привиделась моя любимая. Одна, мокрая, замерзшая, с разбитой головой, она карабкалась по размокшему склону сопки и рыдала в голос от боли и ужаса. Это видение меня просто вывернуло наизнанку. Алиса была жива, ей нужна была моя помощь, а я тут фрустрирую, как подросток. Через неделю я выписался из больницы под расписку и, даже не зайдя в гостиницу, отправился в спасательную службу. Три долгих года я искал мою девочку и не позволял себе поверить в то, что

она погибла. Обломки вертолёта так и не нашли. Видимо, из-за грозы он сбился с курса и упал где-то далеко в горах.

Я вспоминал в деталях наши последние дни с Алисой, и мне становилось легче. Боль, которая сдавливала мне горло и не позволяла дышать при малейшем напоминании о моей любимой, притупилась и превратилась в светлую грусть. Я перестал винить себя в её смерти. Вот ведь какая насмешница, моя судьба. Если бы не тот белообрый киллер, устроивший мне шоковую терапию, я бы до сих пор прятался в своей защитной скорлупе, стараясь не думать, не вспоминать. Наверное, мне стоит его поблагодарить, если ещё свидимся.

За окном окончательно стемнело. Я взгляделся в оконное стекло, залитое дождём, и понял, что напротив меня за столиком действительно кто-то сидит. Резко обернувшись, я наткнулся на Светин обеспокоенный, почти испуганный взгляд. Интересно, давно она наблюдает за моим путешествием в прошлое? Нужно было срочно придумать убедительную отмазку. Да какого чёрта? Вот возьму и расскажу ей обо всём. Что такое криминальное, в конце концов, мне от неё нужно скрывать? Ну, спрашивай, дорогая. Больше не будет секретов в наших отношениях. Светик вздохнула вроде бы даже с облегчением.

– Пойдём домой, Тоша, – сказала она тихо и поднялась с диванчика.

И мы пошли домой под дождём, обнявшись под одним зонтиком. Мой порыв вывалить на Светика всю правду –

матку угас так же быстро, как и разгорелся. Было так уютно шлёпать по лужам, а потом, переодевшись в тёплую толстовку, сидеть за кухонным столом и смотреть, как Светик привычными отточенными движениями накрывает на стол, готовит что-то вкусенькое, разливает чай с травками по большим керамическим кружкам. Ну кому нужны эти тайны, эти мои странные сны? Прав был мой гномик, нужно просто смириться и забыть. В эту ночь, когда я умиротворённо проваливался в сон под монотонный шум дождя, мне казалось, что это загадочное приключение навсегда ушло из моей жизни. Я перелистнул эту страницу, и теперь легко смогу продолжать жить как ни в чём не бывало. Эх, как же я ошибался.

Я снова стоял на знакомом до мельчайших деталей обрыве. Из-за его неровной кромки уже выглядывал краешек оранжевого солнечного диска. На фоне неба, окрашенного всеми оттенками розового и сиреневого, силуэт девушки казался полупрозрачным. Я сразу понял, что сон изменился. Больше не было золотистого одуванчика с танцующими вокруг него бабочками. Волосы незнакомки были повязаны лёгким бледно-розовым шарфиком, как давеча в кофейне. Свежий ветерок играл с концами шарфика закручивая их в причудливый узор. Я поймал себя на том, что опять стою как замороженный, и не могу оторвать от своего взгляда от незнакомки. Ну уж нет, не в этот раз. Что там советовал Антоша? Подойти и вежливо поздороваться. С решимостью камикадзе, я сделал несколько быстрых шагов к краю обрыва,

подсознательно ожидая, что, как обычно, сейчас проснусь в своей постели. Девушка услышала мои шаги и легко поднялась навстречу. Она приветливо улыбнулась и знакомым до боли жестом поправила выбившуюся прядку. Передо мной стояла Алиса, вернее Красотка.

– Здравствуй, Антон,– как ни в чём не бывало сказала девушка голосом Красотки и протянула мне узкую ладошку. – Я Дáли.

Я автоматически пожал протянутую руку, не в силах оторвать взгляда от её лица. Первый шок прошёл, и я увидел разницу. Это была, конечно, не Красотка, но «похожа до жути», как подметил недавно белообрый киллер. Чертами лица девушка-одуванчик отличалась от Алисы совсем чуть-чуть. Немного более вытянутый подбородок, слегка курносый носик, более тонкие губы. Главное отличие было в цвете глаз. У Алисы глаза были цвета стали и меняли оттенок, в зависимости от погоды и одежды, от зелёного до фиалкового. А у Дали глаза были пронзительно голубые, почти бирюзовые. Такого цвета бывает вода в бассейне, если дно облицовано голубой плиткой.

– Кто ты? – мой вопрос прозвучал, пожалуй, резковато для первого знакомства, но девушка ничуть не обиделась.

– Я – Мастер. А ты Программист, я знаю,– она сказала это так, будто я и сам должен был догадаться, такой бестолковый.

– Мастер чего? – кажется, наш разговор начал выходить

за рамки элементарной вежливости, по крайней мере, с моей стороны. Эх, что бы сказал на это Антоша?

– Мастер Игры, разумеется, – беспечно отозвалась Дали, но видя моё недоумение, решила, видимо, пресечь дальнейшие вопросы. – Учитель тебе всё объяснит. Пойдём, нужно пройти через портал, – с этими словами девушка отвернулась и шагнула к обрыву.

– Ты собираешься прыгнуть? – я испуганно протянул к ней руку.

Дали оглянулась и с улыбкой махнула мне рукой, приглашая следовать за собой. Потом она бесстрашно шагнула в пустоту и легко взлетела над кромкой обрыва. Пролетев над морем пару метров, её тело вдруг рассыпалось облаком розовых бабочек. Немного покружив над волнами, бабочки растворились в лучах восходящего солнца, и я остался один. Осторожно подойдя к самому краю, я с опаской посмотрел вниз. Картинка выглядела устрашающе. До воды было метров тридцать, если не больше. Там, на дне, огромные темно-зелёные волны с грохотом разбивались об острые скалы, рассыпаясь клочьями пены и мелких брызг.

Как же я не слышал этого грохота раньше? Вот идиот, это же сон. Всё было так реалистично, что я как-то позабыл, что сплю. Ладно, посмотрим, что будет дальше. Даже интересно, во что превратится моё тело, когда я взлечу над морем. Уж точно, не в бабочек. Наверное, в стаю майских жуков, весело прикинул я, разбегаясь. Я летел вниз в кипящую среди ост-

рых скал морскую пену, и ветер с остервенением рвал на мне рубашку. «Он шагнул из окна, как шагала она, но взлетел он не вверх, а вниз», – не к месту всплыла в моей голове строчка из песни Макаревича. Даже понимая, что всё это мне просто снится, я похолодел от ужаса.

– Это просто сон! – проорал я прежде, чем врезаться в воду.

Боль оглушила меня на мгновение, и наступила темнота. Я плавал в темноте и больше не чувствовал своего тела, я вообще ничего не чувствовал. Только темнота и звенящая тишина. Наверное, так выглядит смерть. Ведь может же человек умереть во сне? Обидно, так рвался досмотреть этот странный сон, и вот на тебе, досмотрел. Зря, выходит, нам обещают загробную жизнь. Здесь же ничего нет, от слова совсем. Чувство безысходности накрыло меня, как та волна, об которую я грохнулся со всей дури. Это было просто несправедливо, в конце концов. Понятное дело, я не ангел и на райские куши не рассчитывал, пусть будет чистилище, раз уж лучшей участи я не заслужил, но на вечное НИЧТО я точно не подписывался.

В этот момент тишину прорезал странный звук, в котором я с некоторым опозданием узнал всхлипывание. Кто-то рядом со мной тихо плакал. Я невольно вздрогнул и наконец почувствовал, что у меня таки есть тело.

– Кто здесь? – требовательно спросил я и не узнал своего голоса, он звучал очень тихо и хрипло, как будто я просту-

дился.

– Антон, ты очнулся! – голос Дали доносился словно издалека, потом она зашуршала чем-то совсем рядом.

– Ты прости меня, – всхлипнула девушка-одуванчик, – я не думала, что так получится. Я же раньше никогда не встречала Программистов из нашей Реальности.

Она уже рыдала по-настоящему, но в её всхлипах слышалось явное облегчение. Я разозлился. Кто-нибудь мне объяснит, какого чёрта здесь происходит? И где это, здесь? Кстати, а почему так темно?

– Почему я ничего не вижу? – требовательно спросил я.

Снова шуршание, и где-то сбоку замаячило мутное пятно света.

– А ты открой глаза, – ехидно посоветовал мягкий мужской голос откуда-то издалека.

Я немедленно последовал совету. Было досадно за свою тупость, мог бы и сам догадаться. Я лежал на диване, укрытый мохнатым пледом. На мне была моя обычная одежда, кстати, совершенно сухая. Кроме дивана и тумбочки, на которой стоял ночник, практически ничего не было видно. Ах, да, ещё склонившаяся надо мной Дали закрывала обзор.

– Дали, иди, приведи себя в порядок, – снова раздался мужской голос из дальнего угла комнаты, тонувшего в темноте. – Ты же видишь, с Антоном ничего страшного не случилось.

Голос был низкий, бархатный, явно принадлежавший зре-

лому мужчине, на вскидку, сильно за сорок. В интонации не было ни намёка на приказ, но Дали быстро, даже как-то поспешно встала и, улыбнувшись мне сквозь слёзы, выпорхнула из комнаты. Я уселся на диване и стал ждать продолжения. Меня здесь явно знали и ждали.

– Я добавлю света, не возражаешь? – спросил мужчина, выходя из тени большого книжного шкафа в дальнем углу, и, не дожидаясь моего ответа, сделал замысловатый жест рукой.

Моментально стало светло, хотя, откуда исходил свет, было неясно. Кроме ночника в комнате не было ни одного осветительного прибора. Я взглянул на, судя по всему, хозяйина этой жилплощади и сразу понял, что такое когнитивный диссонанс. Передо мной стоял парень в джинсах и толстовке примерно моего возраста, или даже моложе, щуплый, низенький, в общем, эдакий задохлик. На свой волшебный голос он явно не тянул. Как ни странно, его невзрачный вид сразу же придал мне уверенности. Парень подошёл к окну около моего дивана и уселся на подоконник свесив ноги, обутые в кожаные тапочки. Он сидел и смотрел на меня изучающе, но без агрессии. Я решил не теряться и взять инициативу в свои руки.

– Вы уже знаете, что меня зовут Антон, а как мне к Вам обращаться, – откашлявшись, спросил я со всей вежливостью, на какую был способен после того, как меня, можно сказать, обманом, сбросили с обрыва.

– Ты можешь обращаться ко мне Учитель,– с готовностью отозвался парень с подоконника.

Я чуть не прыснул от такой наглости. Это ж надо, учитель. Он понимающе улыбнулся и, соскочив с подоконника, отвернулся к окну. Когда через несколько секунд он снова повернулся ко мне, его фигура изменилась до почти полной неузнаваемости. Передо мной стоял высокий, статный мужчина за сорок с красивым мужественным лицом, аккуратная бородка, длинные волнистые волосы, очки в толстой роговой оправе. Не то учёный профессор, не то чёрный маг.

– Так лучше? – спросил Учитель, явно наслаждаясь моим обескураженным видом. – Странно, мне казалось, что общение с ровесником будет для тебя более комфортным. Выходит, ошибся,– добавил он весело.

Я совсем ошалел от такого превращения. Мысли табуном диких лошадей неслись в моей голове, но я не мог уцепить хотя бы одну из них, чтобы хоть как-то обрести твёрдую опору. И тут до меня наконец дошло. Это же мне просто снится. Ну, конечно, я просто вижу продолжение моего любимого сна с бабочками. А во сне всякие чудеса возможны. Я сразу успокоился и решил расставить все точки над ё, как говорится.

– Это сон,– не то спросил, не то констатировал я почти уверенно.

Учитель улыбнулся, вроде бы довольный моей сообразительностью. Но его ответ мне совсем не понравился.

– А вот это очень правильный вопрос, Антон. Можно, пожалуй, и так сказать. Ты очень скоро поймёшь, что это совсем не важно.

Ничего себе «не важно»! Если всё это на самом деле, то, выходит, я умер по-настоящему, и это не сон, а загробная жизнь. Чувство безысходности снова захлестнуло меня холодной волной. Хотя, по сравнению с чёрным ничто, в котором я сначала очутился, такое загробное существование было уже не столь удручающим. Я взял себя в руки и с отчаянием приговорённого, как мне казалось, твёрдым голосом спросил, где я сейчас нахожусь. Видимо, мой страх услышать что-то, вроде «на том свете», был так явно написан на моём лице, что Учитель не сдержался и расхохотался, да так заразительно, что я тоже невольно улыбнулся, несмотря на всю трагичность ситуации.

– Мы называем это место Убежищем, – отсмеявшись, ответил Учитель. – Пойдём, проведу тебе маленькую экскурсию, а заодно и перекусим. Ты ведь проголодался.

С этими словами он направился к двери, нимало не заботясь, следуя ли я за ним. А я вдруг ощутил ну просто зверский голод. Что ещё за фокусы? Секунду назад я и думать не мог о еде, а тут, на тебе. Колдун чёртов.

Мы вышли в короткий слабо освещённый коридорчик, в который, помимо моей, выходило еще четыре двери, и спустились по широкой деревянной лестнице на один этаж. На квартиру это было явно не похоже, скорее частный дом или

дача. Внизу перед нами открылся большой полутёмный зал. Как только мы спустились, зал залил мягкий, идущий непонятно откуда, свет. Помещение было большое и прикольное. Стены были отделаны тёмными деревянными панелями с замысловатыми филёнками, в дальнем углу располагался настоящий камин, обложенный диким камнем. Рядом с камином стояли два мягких кресла с клетчатými пледами. Под лестницей уютно расположилась небольшая кухонька, а рядом у окна – длинный стол, похоже, рассчитанный на большую кампанию.

Обстановка зала была с явным закосом «под старину», но выглядела очень органично, без перебора. Здесь было удивительно уютно. Что ж, неплохое местечко для загробного существования. Пока я рассматривал гостиную, Учитель достал из вполне современного холодильника какие-то мисочки с едой и расставил их на столе вместе с тарелками и чашками. Следуя приглашающему жесту хозяина, я подошёл к столу и с удивлением увидел, что над посудой поднимается пар. Впрочем, я уже начинал привыкать к чудесам этого места. Я втянул носом воздух, ароматы еды и напитков были умопомрачительными. За едой мы не разговаривали, я молча и с наслаждением поглощал всё, что было на столе, а Учитель с усмешкой наблюдал за мной, прихлёбывая чай из большой керамической кружки. Когда я наконец отвалился от стола, как насосавшаяся крови пиявка, он подхватил свою чашку и переместился в кресло у камина. Я, понятное дело,

последовал за ним. В камине уже уютно потрескивали дрова, чай был очень вкусный, чёрный с чабрецом. В общем, всё, как я люблю.

– Тебе бы, наверное, хотелось сейчас глотнуть чего-нибудь покрепче чая, – заметил мой хозяин, – но увы, в этом доме нет алкоголя. Зато чая сколько душе угодно.

Упоминание о душе невольно вернули меня к насущным вопросам бытия. Теперь, после отличного ужина, сидя у камина, я наконец готов был услышать горькую правду.

– Я умер? – спросил я, тупо уставившись в огонь.

На этот раз Учитель не смеялся. Я ждал его ответа, как смертного приговора, но то, что он сказал, только добавило вопросов.

– Не торопись, – со вздохом произнёс он наконец, – для начала тебе нужно прояснить, кто такой ты, и что значит жить. Ведь смерти без жизни не бывает, согласен?

Наверное, мне бы следовало вежливо поддакнуть и послушно ждать заумных рассуждений на тему жизни и смерти, но я не готов был больше терпеть эту неизвестность. Мне требовался прямой и честный ответ.

– Просто ответьте, – грубо прервал я Учителя, нагло уставившись в его красивое лицо.

Я ждал, что он обидится или разозлится, но в глазах Учителя было только сочувствие. И сердце моё упало. Так смотрят на безнадежно больных.

– Ну что ж, если хочешь правду, то в Реальности портала

ты больше не сможешь появиться,— пояснил он. — Там ты умер.

Я прокрутил его фразу в своей голове несколько раз и понял только то, что ничего не понял. Пояснений, однако, не последовало. Я продолжал сверлить Учителя взглядом, а он, видимо, неверно истолковав моё молчание, резко сменил тему.

— Антон, ты не должен держать зла на Дали,— начал он мягко,— она ведь никогда раньше не встречала Программистов. Откуда ей было знать, что ты не умеешь обращаться с порталами? Программисты вообще воплощаются очень редко, а уж в нашей Реальности, и подавно. Если честно, на моей практике, ты первый, кто добрался до Убежища,— он на секунду замолк, но видя, что я не пытаюсь возражать, продолжил своё увещевание. — Мне, наверное, следовало самому тебя встретить, но кому-то нужно было поддерживать портал открытым, пока мы тебя ждали.

Учитель вздохнул и отвернулся к камину. Весёлые язычки пламени заплясали в стёклах его очков.

— Мне жаль,— наконец произнёс он в пространство, как бы ставя точку в этом вопросе.

Я пялился на Учителя, пытаюсь разобраться, это он нарочно меня запутывает, или это я такой непроходимый тупица. И так, меня заманили в какой-то портал, где я, неумёха, благополучно окочурился и в посмертии оказался в Убежище. Пока вроде всё логично. А зачем и кому нужно было из-

за меня так заморачиваться? И что мне тут делать? К чёрту обидки, нужна инфа, причём прямо здесь и сейчас.

– Что такое Убежище, и зачем я здесь? – деловито начал я свой допрос с пристрастием.

– Отлично, – обрадовался Учитель, – а ты быстро сориентировался. Похоже, ты готов к первому уроку, – он поудобней расположился в кресле и отхлебнул чая. – Ты здесь, чтобы учиться, а Убежище – это учебный центр. Видишь ли, Антон, дикие Программисты очень опасны для мироздания и поэтому долго не живут. Охотники их находят и отстреливают. Тебе просто повезло, что я нашёл тебя первым.

– Не вижу разницы, как умирать, от пули или свалившись с обрыва, – грубо прервал я Учителя.

– А разница, между тем, огромная, – продолжал тот, как бы не замечая моего тона. – Спрыгнув с обрыва, ты погиб всего лишь в Реальности портала, а Охотники убили бы тебя в базовой, то есть, твоей родной Реальности. А так как Программисты обычно не обладают способностью воссоздавать своё тело, то тебя бы ждало перевоплощение. К сожалению, ещё не было случая, чтобы Программист после перевоплощения сохранил свои способности к работе с тканью Реальности.

Из всего сказанного я ухватился за одну лишь фразу «базовая Реальность». Значит ли это, что там, в Москве, в моей квартире со Светиком я всё ещё жив? Должно быть я переменялся в лице от безумной надежды, и это не прошло неза-

меченным для мудрого Учителя.

– Так вот что тебя так огорчало,— усмехнулся он. – Конечно, в твоей базовой Реальности ты жив и здоров, пока во всяком случае. Сразу отвечу на твой следующий вопрос. Ты сможешь туда вернуться, когда пожелаешь.

Только сейчас, когда выяснилось, что я всё ещё жив, я осознал, в какую чёрную яму безысходности и тоски я провалился после падения с обрыва. Вместе со схлынувшим напряжением ушли и последние силы, за счёт которых я продолжал вести светскую беседу, вместо того, чтобы биться в истерике. Сейчас мне хотелось только одного – лечь и не двигаться, а ещё и не думать по возможности.

– Можно прямо сейчас? – попросил я, заискивающе глядя в глаза Учителю. – Пожа-а-алуйста,— я добавил жалости в свой голос, наткнувшись на его удивлённый взгляд.

Несколько долгих минут Учитель молчал, пристально рассматривая меня, словно в лупу.

– Вот уж не думал, что мысли о смерти так тебя измочалят,— с грустью подвёл он итог своим наблюдениям. – Хорошо, отправляйся в свою Реальность, отдохни и поразмысли над тем, что узнал. Когда будешь готов начать обучение – возвращайся.

С этими словами Учитель поднялся из кресла и направился к лестнице. Я безвольно поплёлся за ним, с трудом переставляя ноги. Мы снова вошли в комнату, в которой я очнулся после смертельного полёта. Наверное, я бессознатель-

но ожидал, что произойдёт ещё одно чудо, и за дверью окажется моя Московская квартира. Увы, не в этот раз. Всё та же уютная комната, залитая мягким светом, идущим неизвестно откуда. И как же я попаду домой? Учитель как будто прочёл мои мысли и, обернувшись, приободрил.

– Не беспокойся, твоя базовая Реальность сама тебя притянет, нужно только сосредоточиться на том месте в твоём доме, где ты уснул, прежде чем попал в Реальность портала.

– Постой! – почти выкрикнул Учитель, видя, что я собираюсь немедленно последовать предложенной методике. – Ты же не знаешь, как вернуться, – с досадой в голосе пояснил он.

А ведь действительно, через портал-то мне больше не пройти, я же там умер. Это что же, придётся снова прыгать с какого-нибудь другого обрыва? Ну нет, на это я не подписывался. Учитель явно заметил бурю чувств, вызванную его словами, но комментировать не стал. Он устало посмотрел мне в глаза и объяснил, что теперь, когда я уже один раз оказался в Убежище, проход для меня будет открыт, нужно только, как в случае с моей квартирой, хорошенько запомнить обстановку этой комнаты и представить её себе во всех красках, когда соберусь вернуться.

– Антон, мне не хочется тебя ещё больше пугать, но тебе не следует оттягивать свой следующий визит, – под конец объяснения сказал Учитель. – Помни, что я говорил тебе об Охотниках. А пока постарайся не делать ничего, что бы показалось самому тебе необычным. Это для твоей же безопас-

ности.

Он уже повернулся к двери, но я просто не мог его вот так отпустить. Один вопрос сверлил мой мозг не хуже бор-машины.

– Учитель,– я впервые так обратился к нему,– а кто такие Программисты?

– А я уж решил, что ты так и не спросишь,– он обернулся уже в проёме двери и лукаво улыбнулся. – Думал, экие нелюбопытные Программисты воплощаются нынче в нашей Реальности. Рад, что ошибся, – Учитель шагнул обратно в комнату и прикрыл за собой дверь.

– Видишь ли, Антон, чтобы ответить на твой вопрос, нужно сначала объяснить тебе, как устроено и функционирует мироздание, а это за несколько минут не сделать,– он подошёл к окну и уселся на подоконник, свесив ноги, совсем как тот пацан, каким он явился мне в первый раз. – Пока скажу лишь, что Программисты обладают способностью менять свою базовую Реальность, причём эти изменения мгновенно распространяются на все воплощенные в этой Реальности сознания,– он пристально посмотрел мне в глаза. – Теперь ты понимаешь, какую опасность для мира ты собой представляешь?

Меня слегка зазнобило, захотелось оправдываться, что, мол, я не виноват и ничего предосудительно не делал. Но тут же понял, что делал, реально творил чудеса, создавая программы, живущие своей жизнью. А я-то считал себя крутым

программистом. Оказывается, всё дело в том, что я и есть Программист. Только я не создаю комповые игрушки, а меняю Реальность. Ничего себе, подарочек судьбы. И как мне теперь с этим жить? Ну, положим, без моих игрушек я как-нибудь обойдусь, а вдруг я ненароком что-нибудь такое отчебучу, и миру хана.

– Программисты воплощаются чрезвычайно редко, – между тем продолжал свою лекцию Учитель. – Никто толком не знает, почему у Создателя вдруг возникает нужда что-то подправить в своём Творении. Обычно Программисты довольно быстро осознают свою миссию и начинают действовать осознанно, держа под контролем свои силы. Но бывает, что появляются дикие Программисты, вроде тебя, которые начинают себя вести, как слон в посудной лавке, создавая мощное возмущение в ткани Реальности. По этим всплескам энергии их и вычисляют Охотники.

Я похолодел. Перед глазами тут же встал образ белобрысого киллера с наставленным на меня пистолетом. Выходит, он не ошибся, он искал именно меня. Я, словно наяву, услышал, как он брезгливо бросает: «Ты Программист?», поудобнее пристраивая палец на курке. Как же так вышло, что он меня не убил?

– Мы стараемся обнаружить дикого Программиста до того, как на него выйдут Охотники, и дать ему необходимые знания для выполнения его миссии. Так что, тебе сильно повезло, Антон, – завершил своё объяснение Учитель и весело

мне подмигнул. – Сейчас я оставлю тебя одного. Не спеши, хорошенько запомни обстановку своей комнаты, чтобы вернуться сюда, когда будешь готов.

Мы попрощались, и дверь за ним закрылась. Как в трансе я подошёл к окну и упёрся лбом в холодное стекло. За окном была зима. Всюду, куда доставал взгляд, лежал снег. Прямо под окном находился небольшой дворик, огороженный стеной высоких елей. В свете полной луны снег на мохнатых еловых лапах искрился серебром. За верхушками елей вставали величественные скалистые горы, увенчанные снежными шапками. Было видно, как ветер раздувает белые флаги на вершинах, и те в причудливом танце вползают в быстро летящие по небу облака. Да, на Москву это было совсем не похоже. Видимо, портал забросил меня о-о-очень далеко от дома. Я попытался прикинуть по очертаниям гор, где же я могу находиться, но мозги словно залили вязким сиропом. Слишком много впечатлений для одного дня. Нужно вернуться домой, отдохнуть и спокойно всё обдумать.

Я уселся на диван и окинул взглядом обстановку моей комнаты. Мне здесь как-то сразу понравилось, хотя поначалу было не до любования интерьерными изысками. Зато теперь я мог по достоинству оценить простоту и уют моего временного обиталища. Мягкий диван с пледом и подушками, письменный стол, похоже, настоящий дубовый, кресло и стулья тоже из дуба, на окнах шторы из того же мягкого материала, что и диван, и книги, книги, книги... Когда бу-

дет время, обязательно покопаюсь в этой библиотеке. Мой взгляд обратился к окну и случайно упёрся в диванную подушечку с вышитым на ней смешным медвежонок. Точно такой медвежонок был у меня в детстве. Звали его Симпатяжка. Помнится, я наотрез отказывался засыпать без моего любимого медведика. Я взял подушку с медвежонок и уткнулся в неё лицом, как делал это в детстве прежде, чем уснуть. Стало спокойно и легко, словно бы и не было смертельного полёта с обрыва, не было Убежища и Учителя, и страшилок про Охотников. Я уплывал в безмятежный сон. Понимал, что нужно резко взбодриться и заняться делом, но не было сил разжать руки и отпустить своё сладкое беззаботное детство.

Мне было так спокойно, это было то самое чувство полной защищённости, когда мама укрывает тебя одеялом перед сном и желает спокойной ночи. Но что-то мешало мне наслаждаться покоем, какой-то очень знакомый звук нагло проникал в мой сон и раскалывал его на кусочки. Это было тихое позвякивание чайной ложечки о чашку, когда размешивают сахар в чае. Наверное, Светик приготовила мне чай, возможно, даже с пироженкой. Мысли о Светике выбросили меня из сна как пробку из бутылки. Идиот, она же там, наверное, с ума сходит от волнения, не понимает, куда я подевался. А я тут с подушкой обнимаюсь вместо того, чтобы изучать свою комнату. Я резко выпрямился и открыл глаза. Это была моя Московская квартира. Светик сидела за

столом перед ноутбуком и что-то внимательно разглядывала на экране, машинально помешивая ложечкой чай. А я сидел в своём любимом кресле тоже с открытым ноутбуком на коленях и, по-видимому, дремал.

– Ой, извини. Я тебя разбудила? – Светик подняла на меня извиняющийся взгляд. – Хочешь чая?

Бог ты мой, как же я был рад снова оказаться дома. За окном шумел дождь, на столе шумел закипающий чайник, тихо шуршали наши ноутбуки. Дом, милый дом. Как мало, оказывается, нужно человеку для счастья. А, кстати, почему Светик так поздно не спит? И вообще, который час? Оказалось, что ещё нет и двенадцати. Выходит, это всё-таки был сон. Никуда я не исчезал, не падал с обрыва, не разговаривал с Учителем и, главное, не умирал. Я просто заснул, и мне приснился кошмар. Где-то на периферии моего сознания зашевелился червячок сомнения, но я его жёстко придушил непререкаемыми доводами логики и рационального мышления. Мало ли какие приснятся сны? День – два, и я обо всём забуду. Наверное.

Глава 4.

За окном громко щебетала какая-то неугомонная птаха. Однако проснулся я не от птичьего концерта, а от того, что одинокий солнечный лучик, пробившись сквозь неплотно задёрнутые вчера шторы, светил мне прямо в глаз. Светик ещё спала, сладко посапывая в подушку, а меня с утра пораньше потянуло на подвиги. У меня родилась замечательная идея – в кои-то веки раз приготовить завтрак. Сколько можно эксплуатировать женский труд? Решительно откинув одеяло, я бодро прошествовал на поле моей будущей кулинарной битвы.

В последнее время мне было не до сковородок и поварёшек, я и завтракал-то на бегу. Каждое утро я встречал, сидя за компом и корпя над Умником. Это если не считать того утра, когда меня пытались убить. Воспоминание о белокрысом киллере заставило меня невольно вздрогнуть. Интуитивно я, конечно, чувствовал, что случай с покушением выходил далеко за рамки будней обыкновенного московского программиста, но это ещё не означало, что и всё остальное, приснившееся мне прошлым вечером, тоже было реальностью. Светик сказала, что я задремал за компом буквально на полчаса, а там, за гранью прошло как минимум несколько часов. Ведь именно так и случается, когда мы спим, не правда ли? В общем, к чёрту рефлексия, у меня будет вре-

мя подумать обо всём на досуге, а пока меня ждёт операция «семейный завтрак».

Если честно, эту миссию я провалил практически полностью, видимо, сказалось отсутствие практики и общий непрофессионализм. Однако Светик всё равно мужественно улыбалась, запихивая в себя подгоревшие гренки и пересолённый омлет. Вот что значит семья. Залив этот кулинарный кошмар солидной дозой кофе, мы дружно отправились на встречу трудовым будням. Я, как обычно, забежал в кофейню. Настроение было приподнятое, солнышко, выглянувшее наконец после трёхдневного ненастья, раскрасило мир в яркие цвета. К тому же сегодня была пятница, мой любимый день недели, сладкое предвкушение выходных.

Какая-то мысль интенсивно забилась в глубинах моей памяти, яростно прорываясь на поверхность. Да ведь сегодня день рождения моего драгоценного начальника. Хорошо, что не успел ещё отойти далеко от дома. Пришлось вернуться за подарком. Я взял свежую флэшку, залил Умника, перевязал красной ленточкой и с чувством выполненного долга отправился в контору. Там уже с утра царил атмосфера праздника. Не сказать, чтобы вся контора была завалена цветами. Вообще-то, букетик был только один, от секретарши Анечки, зато бухла на кухне было хоть залейся. Похоже, работать сегодня никто не планировал. Я присовокупил мою флэшку к общей куче подарков и, вопреки наметившейся тенденции к безделью, отправился навестить свой комп.

Как ни странно, большинство рабочих мест было занято. Все дружно кололи свеженький вирус от Антоши. С момента заключения мирного соглашения между Олежкой и гномом наша работа превратилась в азартную игру под названием «кто быстрее разгадает, что имел ввиду гном». Антошины комментарии по вирусологии по-прежнему оставались весьма своеобразными. Можно было, конечно, позвать автора и попросить разъяснений, но бравые джедаи антивирусного спорта считали это ниже своего достоинства. Я с азартом присоединился к тусовке и на какое-то время выпал из реальности. Когда ближе к вечеру всех позвали на праздник, счёт всё ещё был 0:1 в пользу вируса.

Вечеринка удалась, что, впрочем, не удивительно, учитывая количество припасённого алкоголя. Часам к десяти я вспомнил, что у меня где-то в организме с утра ещё была печень, и принял здравое решение отползать домой. Тем более, что Светик уже, наверное, соскучилась и плавно переходит к стадии «вот так всегда». На этот раз, правда, извинительных цветов не потребуется, всё-таки у меня была очень уважительная причина, но запускать процесс всё равно не стоило. Нетвёрдой походкой я направился в кабинет именинника попрощаться и с удивлением застал его за рабочим столом перед открытым ноутбуком. Вот маньяк, даже в собственную днюху не может расслабиться. Однако мой начальничек вовсе не работал, он сидел и отрешённо смотрел в экран с глупой улыбкой от уха до уха. Олежка был так поглощён сво-

им занятием, что заметил постороннего наблюдателя, только когда я уселся напротив него.

– Антоха, зачем же ты так? – в его голосе не было упрёка, только удивление.

Несмотря на выпитое, я сразу понял, что речь шла о моём подарке, и судорожно начал соображать, где я опять напортачил. Может быть, впопыхах что-то не то скачал на флэшку сегодня утром? Не спрашивая хозяина, я развернул к себе экран ноута и замер с раскрытым ртом. На экране был привычный интерфейс офиса с Красоткой. Вот только это была не моя Красотка, это была моя Светик. Олежка всё еще ничего не понимал, он лупал своими невинными глазками и натянуто улыбался. А вот у меня уже был опыт с Вовчиком, превратившим мою Красотку в вульгарную чернявую девицу, и я знал, что Умник адаптирует образы аватаров в соответствии со вкусами пользователя. Можно было не сомневаться, вкусы моего начальника показались мне весьма подозрительными.

– Кто она тебе? – мрачно спросил я, подняв на Олежку совсем не добрый взгляд.

До моего начальника довольно быстро дошло, что он где-то крупно прокололся, но он пока не понял, где именно. На всякий случай Олежка решил прикинуться белым и пушистым.

– О чём ты говоришь, Антон? – его игра была безупречна, удивлённый взгляд оскорблённой невинности, лёгкая обида

в голосе, поджатые пухленькие губки.

Наверное, я бы даже ему поверил, если бы точно ни знал, что он врёт. Препираться с Олежкой мне совсем не хотелось, я просто скинул его запрос и перезагрузил Умника. На экране, как и ожидалось, появилась моя Красотка. Так же молча я развернул ноут обратно к Олежке. Он пялился на экран, и на его лице, сменяя друг друга, словно маски, начали проявляться весьма противоречивые чувства: сначала раздражение, потом недоумение и наконец страх и стыд. Секунд через десять мой начальник покрылся краской до самых ушей. Я молчал, давая ему время для осмысления ситуации. Наконец он решился, чему, по-видимому, немало способствовали алкоголь и общая расслабляющая обстановка праздника. А может быть, Олежке просто надоело врать и прикидываться.

– Света – моя жена, – твёрдо произнёс он, с вызовом глядя мне в глаза.

Тут уже я переменялся в лице. Чего-чего, но такого откровения я не ожидал. Олежка, видимо, понял, что одной фразой он не отделается, и нехотя снизошёл до объяснений. Оказывается, Света ушла от него сразу после похорон моей мамы, когда осталась на ночь в моей квартире, но формально они так и не развелись. Когда она попросила Олежку взять меня на работу, то тот прикинул, что такой благородный жест ему в будущем обязательно зачтётся. Он был совершенно уверен, что этот злостный одиночка и чудила рано или поздно вконец задолбает его жену своими закидонами,

и тогда Света вернётся в семью. Однако его коварным планам не суждено было срастись. Мы жили душа в душу, хотя Олежка периодически устраивал моему Светику вынос мозга на предмет женской гордости и своей безысходной любви.

Так вот значит, почему она всегда отказывалась участвовать в наших офисных посиделках. Не хотела лишний раз попадаться на глаза Олежке, чтобы не пришлось объясняться со мной по поводу своего матримониального статуса. Как же всё это мерзко и глупо. Получается, почти два года я жил с женой моего работодателя. Можно ли придумать более бредовую ситуацию? Я молча взял чистый лист бумаги из принтера и, аккуратно выводя буквы, написал заявление об уходе по собственному желанию. Так же ни слова не говоря, я положил листок перед Олежкой и поднялся. Напряжение на лице моего теперь уже бывшего начальника сменилось откровенным облегчением. А чего же он, интересно, ждал? Что я ему морду набью, что ли?

Идти домой совершенно не тянуло. Понятно, что объяснений со Светиком было не избежать, но мне хотелось оттянуть этот момент хотя бы до завтра, когда я как минимум буду трезвым. Ну, и хорошенько обдумать создавшуюся ситуацию тоже не помешает. Недалеко от нашего офиса был небольшой парк с прудом. Идея прогуляться по парку показалась мне весьма здравой, и я направился в сторону противоположную от дома. В парке было совсем темно и пустынно. Как раз то, что мне было нужно для рефлексии на тему

«почему все мои женщины меня предают». Гулял я, однако, не долго, алкоголь и усталость сделали своё дело. Я уселся на берегу пруда прямо на тёплую землю и принялся пережёвывать свои обидки. Очень скоро мне стало скучно, и я начал прикидывать, не пора ли вернуться к Светику. Ну скрыла она, что замужем за моим начальником. Нехорошо, конечно, но ведь и я не без греха, про Алису я же так и не удосужился ей рассказать, хотя однажды и решился уже вроде бы. Нужно будет нам устроить вечер откровений и покончить с недомолвками раз и навсегда. Эта мысль мне понравилась и настроила на лирический лад.

Ночь была тихая и безлунная. На чёрном бархате ясного неба звёздочки сияли, словно капельки росы. Просто красота. Недолго думая, я улёгся на землю вроде как полюбоваться на звёздный карнавал и благополучно заснул. Разбудили меня голоса уборщиков, выползавших спозаранку на дорожки парка с метлами и черными мусорными мешками. Это ж надо было так напиться вчера, чтобы заснуть прямо на земле. Хорошо ещё, что ночь была тёплая, а то мог бы и отморозить себе что-нибудь нужное. Я быстро поднялся, стараясь не привлекать внимание уборщиков, плеснул в лицо воды из пруда и побрёл домой. Спешить мне было совершенно некуда, я ведь теперь был официально безработный.

Дойдя до кофейни, я почувствовал, что мне просто необходимо было выпить кофе и съесть чего-нибудь горячего. Супа ранним утром у них, конечно, быть не должно, но на

омлет и кесадилью с курицей я вполне мог рассчитывать. Настроение у меня заметно приподнялось, можно было ещё ненадолго отложить выяснение отношений со Светиком. Получив свой омлет, кесадилью и кофе, я уселся за любимый столик у окошка и с наслаждением сделал первый глоток. Кофе был ароматный и в меру крепкий. Отпив зараз полчашки, я наконец почувствовал, как вчерашний хмель начал выветриваться из моей головы. И далеко не радужные перспективы по поиску новой работы тут же нарисовались во всей красе. Но это утро было таким ясным и радостным, что думать о плохом совсем не хотелось. Гораздо грамотней было заесть неприятности, как это обычно делают женщины. С этой благой мыслью я и приступил к завтраку.

Покончив с едой, я откинулся на спинку диванчика с чашкой кофе в руке и блаженной улыбкой на губах. Я как раз лениво обдумывал, а не заказать ли мне ещё маленький си-набончик или пироженку, когда пироженка на блюдечке сама приплыла за мой столик. А блюдечко держала рука Дали.

– С добрым утром, Антон, – весело прошебетала девушка, усаживаясь за столик напротив меня, – я подумала, что тебе к кофе, возможно, захочется чего-нибудь сладкого. Угощайся.

Дали приветливо улыбалась, а я смотрел на неё как на привидение. Её просто не могло тут быть, она же мне просто приснилась. Или я всё ещё сплю? На всякий случай я ущипнул себя под столом. Было больно, но Дали и не подумала раствориться в воздухе или хотя бы рассыпаться стаей

розовых бабочек. Напротив, увидев мою неадекватную реакцию, она забеспокоилась, взяла меня за руку и, взволнованно заглядывая в глаза, начала настойчиво допытываться, что случилось. Да уж, случилось. С её появлением мой уютный и безопасный мирок разбился вдребезги, и осколки с мелодичным звоном посыпались на мою несчастную голову. Я с трудом взял себя в руки. Вот же придурок, сам себя уговорил, что вчерашние приключения мне приснились, хотя и понимал, что это просто ложь, трусливый побег от действительности. Не вызывает сомнения, что и Дали, и Учитель, и Охотники реально существуют. И мне придётся это принять вот прямо сейчас.

– Здравствуй, Дали, – я заставил себя улыбнуться через силу. Вышло жалко и неестественно.

Девушка, неверно истолковав мой ошалевший вид, начала оправдываться.

– Антон, я вовсе не хотела тебя расстраивать. Вижу, ты не рад меня видеть. Я сейчас уйду, только хотела ещё раз извиниться, что всё так ужасно получилось с порталом. Я, правда, и представить не могла, что Программист не знает, как проходить через портал. Прости меня, пожалуйста.

Она начала подниматься, чтобы уйти, но я взял её за руку и опустил обратно на диван. В конце концов, бедная девочка не виновата, что нас, Программистов раз-два и обчёлся, и про нас толком ничего не известно.

– Проехали, – бросил я небрежно. – Я не в обиде. Поду-

маешь, одной Реальностью больше, одной меньше,— рядом с Дали мне почему-то хотелось играть эдакого крутого матча, нечувствительного к мелочам, вроде собственной нелепой кончины.

Но девушка приняла мою игру со всей серьёзностью.

— Я так рада, что всё обошлось,— глазки её заблестели. — А Реальности портала всё равно уже нет. Она существовала очень короткое время, только чтобы пройти в Убежище. Так что ты совсем ничего не потерял.

— Да что со мной могло случиться? — продолжал я строить из себя героя.

Дали подняла на меня глаза, полные сочувствия. Что они все, сговорились? Опять на меня смотрят как на смертельно больного.

— Ты же Программист,— сказала она тихо. — Неясно, как бы ты мог изменить Реальность портала в состоянии стресса. А о чём ты, кстати, думал, когда летел с обрыва?

— Думал, что это самый кошмарный сон в моей жизни,— также тихо ответил я.

— Сон? — Дали жалко улыбнулась. — Выходит, нам всем здорово повезло.

От её улыбки меня бросило в холодный пот. Похоже, я явно недооценил серьёзность ситуации. А что бы случилось, если бы я поверил, что действительно разобьюсь о скалы? Даже думать не хочется.

— Давай закроем эту тему,— предложил я. — Лучше рас-

скажи мне про Охотников. Зачем они убивают людей, если можно их просто научить?

– Ты, пожалуйста, не думай, что Охотники – это inferнальное зло, – начала увещевать меня девушка. – В нашей базовой и в близких Реальностях проявлено очень много сущностей с различными способностями, которые запросто могут нарушить гармонию мироздания. Всех научить просто невозможно. Ведь Учитель, он один. Задача Охотников – охранять базовую Реальность от разрушения. Учитель старается найти наиболее продвинутых и обучить их прежде, чем Охотники на них выйдут. Получается не всегда. Я так рада, что с тобой всё сложилось.

Такого расклада я не ожидал. Как же так, на всех один учитель? А до кого руки не доходят, тех тупо в расход? Что-то мне не нравится такая гармония.

– А за тобой Охотники не гонялись? – спросил я.

– Я же Мастер! – Дали сверкнула глазками. – Ах да, ты же ещё не знаешь, – она тут же сконфузилась. – Охотникам Мастера не достать, они же не могут перемещаться между Реальностями.

– А ты, значит, можешь, – ехидно хихикнул я.

– Именно эта способность и делает продвинутого Игрока Мастером, – серьёзно, без улыбки пояснила Дали. – Поэтому Охотники по негласному соглашению Мастеров не трогают, даже тех, кто не прошёл обучение у Учителя.

Я вспомнил, как тело Дали рассыпалось стаей бабочек, но

всё равно поверить в путешествия по альтернативным мирам было трудно. Если честно, мне всё это до сих пор казалось какой-то игрой. Как можно перемещаться между Реальностями? Реальность, она ведь одна, вот эта, в которой я существую. Тут мне вспомнилась другая сцена: белобрысый киллер с ненавистью смотрит на Красотку на экране моего компа. Пожалуй, мне следует предупредить Дали, что не все Охотники равнодушны к Мастерам.

– А я тут недавно встретил одного Охотника, который тебя очень хорошо знает и, похоже, сильно недолюбливает.

Я ожидал какой угодно реакции: испуга, недоумения, возмущения, но только не того, что последовало. Дали спокойно расспросила, как выглядел Охотник, а потом, отвернувшись к окну, тихо произнесла.

– Не бери в голову, Антон. Это личное. Он меня не тронет, – в её голосе мне послышалась тщательно скрываемая боль.

Вдруг Дали резко развернулась ко мне всем телом, её зрачки расширились, на лице отразился откровенный испуг.

– А почему ты до сих пор жив? – она выпалила это так громко, что на нас стали оборачиваться.

– Сам не пойму, – я пожал плечами, переходя на шёпот. – Он хотел меня убить, но передумал.

– Так не бывает, – отрезала Дали, – тебе нужно срочно обсудить это с Учителем. Антон, ты в очень серьёзной опасности. Для Охотника упустить объект – это потеря лица. Что-

то его остановило в тот раз, но он вернётся, даже не сомневайся. Знаешь, они все фанатики, ни перед чем не останавливаются, если уж взяли след. А след ты оставил такой, что не заметишь его невозможно. Прошу тебя, иди сейчас же домой и отправляйся в Убежище.

Истерический настрой Дали не оставлял никаких шансов на продолжение этой занимательной беседы. Мы распрощались, и я поплёлся домой в омерзительном настроении. Утро было напрочь испорчено. Мой мир оказался совсем не таким простым и привычным местом обитания, каким я считал его до сего дня. Да и сам я оказался совсем не тем парнем, с которым привык иметь дело раньше. Теперь я по-настоящему злился на Дали. Это какая же у неё должна быть мораль, если фанатичные убийцы в её представлении не считались злом? Значит, если лично тебе ничего не грозит, то на убийства можно закрыть глаза? Как-то не вязались подобные рассуждения с невинным образом девушки-одуванчика.

Я пережёвывал свои огорчения так увлечённо, что не заметил, как подошёл к повороту, за которым располагалась детская площадка перед моим домом. Когда я уже собрался завернуть за угол, мне под ноги попала непонятно откуда взявшаяся, суковатая палка. Я естественно споткнулся и едва не пропахал лбом асфальт. Знал бы я тогда, что эта палка спасла мне жизнь, наверное, забрал бы её домой и поставил на самое видное место как памятник счастливому случаю. Притормозив столь неожиданным образом, я невольно

осмотрелся и с ужасом совсем рядом увидел моего незадачливого убийцу. Белобрысый сидел, развалиясь, на скамеечке рядом с детской площадкой и, казалось, дремал. Его глаза прикрывала бейсболка, а в уши были вставлены наушники. Однако я почему-то был абсолютно уверен, что никакая музыка в его наушниках не играла, скорее уж это было какое-то устройство, усиливавшее внешние звуки.

По случаю раннего утра во дворе не было ни души. Тишина, птички поют. К гадалке не ходи, незамеченным мне домой не попасть. Любой посторонний звук, вроде шагов, мгновенно выдаст моё присутствие. И что делать? Я уже собрался было уйти и затаиться до тех пор, пока во дворе не появятся люди, производящие достаточно шума, чтобы незаметно проскользнуть в подъезд. Но тут удача улыбнулась мне во второй раз. На дорожке перед домом словно ангел-спаситель появилась почтальонша с сумкой на колёсиках. Её нехитрый транспорт производил просто невероятный шум, гремя на стыках тротуарной плитки. Белобрысый, как и ожидалось, тут же вострепнулся, но увидев безобидную почтальоншу, снова откинулся на спинку скамейки и надвинул бейсболку на глаза. Я молча поблагодарил всех святых, выждал несколько секунд, чтобы парень расслабился, и быстро пристроился в хвост к моей спасительнице.

Уже поднимаясь по лестнице в квартиру, я внезапно осознал, что опасность может угрожать не только мне. Светик оказалась в положении заложника. Как сказала Дали, «они

ни перед чем не останавливаются». Нужно было срочно придумать, как бы отправить Светика подальше от моего дома, желательно куда-то в защищённое место. Может быть, к мужу? Или это будет уже натуральное извращение? Так ничего и не придумав, я открыл дверь своей квартиры и замер на месте. Светик сидела за столом вся в слезах. В комнате явно ощущался запах какого-то лекарства. Похоже, этот придурок, её муж, не нашёл ничего лучшего, как позвонить ей в ночи и сообщить о нашем разговоре. И пока я, как бомж, отсыпался на берегу пруда, моя милая ходила из угла в угол и пила успокоительное.

Моим первым порывом было броситься к ней, успокоить, приласкать, рассказать что-нибудь смешное. Но тут я понял, что судьба уже в третий раз за утро подкидывает мне спасительную соломинку. Это был мой шанс отправить Светика подальше от убийцы. С усилием задавив жалость к измученной бессонной ночью женщине, я молча уселся перед ней за стол. Инстинктивно я чуть не набросил дверную цепочку, но вовремя сообразил, что это только усложнит ситуацию. Опытному киллеру цепочка – не преграда, а Светик заподозрит неладное, и начнутся расспросы.

Уже было высохшие глаза Светика вновь наполнились слезами. Она смотрела на меня с немой мольбой, и слёзы прочерчивали мокрые дорожки на её щеках. Чёрт возьми, ну какой мужик такое выдержит? Сам не пойму, каким чудом я умудрился продолжить игру в оскоблённого и обманутого

любовника.

– Я думаю, нам нужно какое-то время пожить отдельно,– хрипло проговорил любовник, не поднимая глаз.

Светик судорожно вздохнула, но не сказала ни слова. Она неловко вылезла из-за стола и молча стала собираться. Я сидел, не шевелясь и стараясь ни о чём не думать. Если бы она попыталась что-то объяснить или попросить, я бы не выдержал, и весь спектакль пошёл бы насмарку. Но во дворе сидел убийца и ждал удобного случая. И такого срыва я не мог себе позволить. Через несколько минут Светик уже стояла в дверях.

– Я заберу вещи вечером,– безучастно проронила она, не оборачиваясь, и дверь захлопнулась.

Как только Светик ушла, я кинулся к окну, выходявшему во двор. Нужно было показать белобрысому, что я дома, а то ещё вздумает прицепиться к моей девочке. Я открыл окно, намеренно громко гремя шпингалетом, и высунулся чуть ли не по пояс. Белобрысый поднял на меня удивлённый взгляд, и я нахально помахал ему рукой. Теперь пора было линять. У меня было совсем немного времени, чтобы переправиться в Убежище. На всякий случай я всё-таки набросил цепочку, чтобы хоть ненадолго задержать убийцу. Потом я деловито расположился на диване, скрестив ноги вроде как для медитации, и закрыл глаза.

Потребовалось совсем немного времени, чтобы я с ужасом осознал, что довольно смутно помню свою комнату в

Убежище. Вот же идиот. Вместо того, чтобы сконцентрироваться тогда на обстановке, я блаженно заснул в обнимку с вышитым на подушке медвежонком. Рассиживаться, изображая из себя медитирующего было бессмысленно. Я встал с дивана и выглянул в окно, киллера на скамейке не было. Меня охватила натуральная паника. Я начал метаться по квартире в поисках то ли оружия, то ли места, где можно было спрятаться. Забежав в спальню, я с сомнением заглянул во встроенный шкаф. Наверяд ли это место можно было счесть хоть каким-то укрытием, но лучшего не было, разве что запереться в туалете.

Мой взгляд пробежался по верхней полке и упал на старую замызганную диванную подушку, сосланную на антресоли за неприглядный вид. И тут меня осенило. Если я не могу воспроизвести в памяти обстановку комнаты в Убежище, то свои мелодраматичные переживания из-за дурацкой подушки я уж точно запомнил. Я лёг на кровать и уткнулся лицом в подушку на которой спала мой Светик. Надеюсь, с ней всё будет в порядке, ведь Охотнику нужен был только я, дикий Программист, нарушитель спокойствия мироздания. Мне всё ещё было страшно, но неконтролируемая паника уже отступила, как отступала всегда, когда я, проснувшись ночью от страшного сна, утыкался лицом в Симпотяжку, как будто он мог защитить меня от всех напастей.

Бедный мой меведик. Его участь оказалась незавидной. Как-то зимой я долго и тяжело болел. Мне назначили уко-

лы, но я наотрез отказывался заголять требуемое место и сопротивлялся так яростно, как будто меня собирались резать на части. Тогда медсестра, которая приходила к нам домой ставить уколы, пообещала подарить мне настоящий шприц с иглой, чтобы я мог лечить своих игрушечных зверей. Перед таким подарком я не смог устоять и сдался. Выздоровев, я принялся играть в доктора. Понятное дело, все мои игрушки оказались очень тяжело больны, и приходилось делать им уколы по нескольку раз в день. Игра мне довольно быстро надоела, но к тому времени все мои плюшевые игрушки, включая Симпатяжку, были уже накачаны водой под завязку и вскоре сгнили, так как мне не пришло в голову, что бывших больных нужно было просушить.

В этот момент мои воспоминания прервал тихий звук, шедший, по всей видимости, от входной двери. Неосторожно сбросив на пол объект своей так и не состоявшейся медитации, я вскочил на ноги. Если уж мне суждено было умереть, то не хотелось бы, чтобы убийца обнаружил меня в постели, спрятавшего голову под подушку. Я же не страус, в конце-то концов. Вокруг было темно. Секунду я постоял, не понимая, что же произошло. Когда глаза немного привыкли к темноте, я с облегчением разглядел очертания моей комнаты в Убежище. Значит, всё-таки сработало. Странно, ведь я даже ещё не попытался воссоздать ситуацию с медвежонковой подушкой. Как обычно, вместо того, чтобы заниматься делом, провалился в воспоминания. Но ведь получилось, хоть и непо-

нятно как. Нужно будет расспросить Учителя, как действует механизм перемещения.

Пока меня не было, кто-то выключил в комнате освещение и, как его обратно включить, я не знал. Помнится, в прошлый раз Учитель делал какие-то пасы рукой. Я попробовал помахать руками, разумеется, безрезультатно, и уже было совсем собрался бросить это бесперспективное занятие и посидеть в темноте, как вдруг случайно заметил на столе лампу с вполне обыкновенным выключателем. Как же я мог не заметить её раньше? Я нажал на кнопку, и комната осветилась мягким светом. Сразу стало уютно как дома. Я осмотрелся и к своему удивлению обнаружил ещё один выключатель сбоку у двери. Всё-таки всего этого в прошлый раз точно не было. А может быть, это чужая комната? Вот будет незадача, если объявится хозяин. Да нет же, комната та же, и подушка с медвежонком лежит на своём месте. Может быть, по виду из окна я смогу определиться, в своей ли я комнате? Я прислонился лбом к оконному стеклу, пытаюсь разглядеть картинку за окном. Там по-прежнему была зима. Огромная жёлтая луна сияла на том же месте, где я её видел в последний раз, освещая высокие ели и горные пики. Значит, комната та же, и с моего ухода прошло совсем немного времени.

Впрочем, это не важно, главное, мне удалось скрыться от Охотника. Стоп. Что же это получается? В том месте, откуда я ухожу, время как бы останавливается? Значит, когда я вернусь в свою квартиру, то как раз попаду в лапы Охотни-

ку. И в чём тогда смысл сбежать в Убежище? Я, что же, теперь навсегда тут застрял, если не хочу, чтобы меня пристрелили? Или Учитель выдаст мне оружие для самообороны? Бред какой-то. Было ясно, что без помощи знающих людей мне в этой ситуации не разобраться. Нужно было скоротать время до утра. Не будить же моего наставника среди ночи. По моему персональному времени было раннее утро, и спать совершенно не хотелось. Компа тут, увы, не было, так что единственное, что оставалось – это нарыть что-нибудь интересненькое в библиотеке.

Я подошёл к книжным полкам и открыл рот от удивления. Такой библиотеки я никогда не встречал. Все книги были толстые, в потёртых кожаных переплётках, явно читанные по многу раз. На корешках виднелись надписи преимущественно на незнакомых языках. Я раскрыл одну книгу на пробу. Листы были желтоватые из очень плотной бумаги, написание букв было непривычным. Разобрать, что там написано, я не смог, если честно, я даже не понял, на каком языке написан текст. Вот ведь засада. Ну и зачем мне эта старинная библиотека, если я не могу прочесть, что в этих книгах написано. Я поставил взятую книгу на место, и тут мне на глаза попала надпись на корешке вроде бы на русском. С трудом разобрав название, я обомлел, мои глаза полезли на лоб. Это было Евангелие от Андрея. Это Первозванного, что ли? Я, конечно, что-то слышал об апокрифах, но мне всегда казалось, что такая литература должна находиться исключи-

тельно в закрытых хранилищах Ватикана. Оказывается, врут альтернативщики. Вот же оно, запретное Евангелие, прямо в моих руках.

В азартном предвкушении доступа к сакральному знанию я уселся с книгой за стол. Однако мой исследовательский пыл очень быстро иссяк. Да, эта книга была написана на русском, только совсем не на том русском, которым пользуются мои современники. Читать её было очень трудно, а понять смысл прочитанного практически невозможно. Для начала там было значительно больше букв, чем содержится в современном алфавите. Некоторые буквы я вообще раньше не видел и понятия не имел, как они читаются. Большинство слов звучали непривычно, хотя вроде бы похоже на современные аналоги, но были и совершенно незнакомые слова, должно быть, вышедшие из употребления. Мне вроде бы даже удалось разобрать смысл нескольких фраз, но пользы от этого было немного. О чём хотел поведать миру Андрей Первозванный, я так и не узнал. Промучившись с книгой около часа, я наконец сдался и отправил её обратно на полку.

Можно было бы попытаться удачу с ещё одним фолиантом, но облом с Евангелием напрочь отбил у меня охоту к чтению старинных рукописей. За окном всё ещё было темно. Послониавшись по комнате и повалявшись на диване, я решил, что пришло время самостоятельно исследовать дом. В коридорчике горел тусклый свет, так что мне даже не пришлось пробираться на ощупь. Освещение в каминном зале включилось

само, как только я спустился с нижней ступеньки лестницы. В общем, пока всё складывалось удачно. В зале имелось три двери. Две из них, похоже, были наружными, а одна вела в какие-то другие помещения. По понятным причинам я дёрнулся сначала во внутреннюю дверь, но она, к моему разочарованию, оказалась заперта.

Тёплой одежды в обозримом пространстве не наблюдалось, но я из вредности всё же решил попытать счастья с уличной дверью. Она легко подалась, и я высунул нос наружу. Дверь выходила на крытую галерею, которая тянулась вдоль стены дома, и, похоже, опоясывала его целиком. Свет снаружи дома нигде не горел, и за перилами галереи всё тонуло в непроглядной тьме. В общем, смотреть было не на что. Я побыстрее захлопнул дверь и поскакал в кухню, чтобы согреться горячим чаем или хотя бы кипятком. Мороз за бортом был нешуточный.

Кипяток быстро обнаружился в электрическом чайнике, а на первой же открытой полке я нашёл неплохой выбор чая в баночках с иероглифами. Перенюхав полдюжину баночек, я остановил свой выбор на красном чае с запахом сливы и не прогадал. Я заварил чай прямо в большой глиняной кружке и уселся в кресло у камина. Понятное дело, огонь в камине не горел. Пока, попивая чай, я раздумывал, где тут могут быть спички или зажигалка для розжига камина, на холодных, казалось бы, поленьях то там, то тут начали проскакивать маленькие голубые искорки. Постепенно эти искор-

ки стали превращаться в крохотные язычки пламени и расти прямо на глазах. Очень скоро в камине уже горел огонь, потрескивали, наливаясь красным, поленья, и слегка потянуло дымком.

Я с изумлением наблюдал за этой метаморфозой. Может быть, камин не настоящий, просто электрическая имитация? Я протянул руку к огню. Нет, огонь был самый что ни на есть натуральный. Наверное, работает какая-то хитрая автоматика. Человек садится в кресло, нажимает пятой точкой на встроенную кнопочку, и вот вам, пожалуйста, грейтесь на здоровье. Или, например, датчик движения вделан в переднюю панель камина. Я покрутился немного в кресле, пытаюсь обнаружить заветную кнопку, а когда снова уселся на место, то увидел в соседнем кресле Учителя с чашкой чая в руке. И когда только он успел заварить чай, да так, что я ничего не услышал?

– Здравствуй, Антон, – как ни в чём не бывало поприветствовал меня Учитель, будто бы мы и не расставались. – Ну, рассказывай, что с тобой случилось.

Вот так сразу, что случилось. Может быть, я соскучился и решил заглянуть на огонёк посреди ночи. Поскольку я озадаченно молчал, Учитель продолжил свои расспросы.

– На Охотников нарвался, – спокойно, без малейшей нотки беспокойства не то спросил, не то констатировал он, – да, они времени зря не теряют.

Я сидел молча и обиженно сопел. Это же я должен был

рассказать ему волнующую историю про то, как героически спас Светика и в самый последний момент скрылся от Охотника. Весь кайф обломал. Он что же, мысли мои читает? Учитель, между делом оценив мои моральные страдания, с усмешкой продолжал.

– Чтобы понять, что с тобой приключилось, мне вовсе не нужно лезть в твою голову. Человеком обычно управляют очень простые и немногочисленные стимулы. Причиной твоего поспешного возвращения в Убежище может быть либо любопытство, либо страх. Особого стремления к знаниям я в тебе в прошлый раз что-то не заметил. Остаётся страх. Есть ещё, конечно, амбиции, но какой карьерный рост может быть у Программиста? – он отхлебнул чая и, глядя в огонь, устало произнёс. – Рассказывай, когда ты увидел Охотника. И почему ты, вообще, решил, что это был Охотник.

Я отбросил глупые обиды на проницательность Учителя. Действительно, сам ведь запросился домой, как только узнал, что не умер по-настоящему. Какая уж тут тяга к знаниям.

– Первый раз он явился ко мне домой за три дня до того, как я оказался в Убежище, – начал рассказывать я.

Вот теперь Учитель был по-настоящему удивлён, если не сказать, шокирован.

– Почему же ты до сих пор жив? – воскликнул он, как давеча Дали в кофейне.

Дежавю какое-то, ей богу. Только теперь на нас некому

было озираться. Я наслаждался произведённым эффектом и в подробностях рассказал Учителю о моей первой встрече с белобрысым. Когда я закончил, Учитель уставился на меня с ещё большим удивлением, чем в начале рассказа.

– Ты РАБОТАЕШЬ программистом? – спросил он, изучающе оглядывая меня, как будто увидел впервые. – В смысле, ты пишешь компьютерные программы?

Я кивнул, уже понимая, что ситуация запутывается всё сильнее.

– Но этого просто не может быть, – категорично отрезал Учитель.

Видя моё недоумение, он всё-таки счёл необходимым внести ясность.

– Видишь ли, Антон, ещё ни один Программист не работал программистом в своей Реальности. По каким-то неясным причинам написание компьютерных программ мешает им работать с тканью Реальности. Эти две области деятельности почему-то друг с другом никак не совмещаются. Не удивительно, что Охотник решил, что ошибся.

Я молчал, в моей душе схлестнулись два противоречивых чувства. С одной стороны, я испытал сильное облегчение от мысли, что не являюсь Программистом и, соответственно, не представляю фатальной угрозы для моего мира. Но с другой стороны, я уже прикоснулся к тайне и успел поверить в свою исключительность. Обидно было так обломаться.

– Значит, я не Программист, вы ошиблись, – потухшим го-

лосом проямлил неудачник.

Учитель уже обрёл свою обычную уверенность, и в его голосе зазвучали покровительственные нотки.

– Мы в этом обязательно разберёмся, – пообещал он. – Ты создал очень сильное возмущение в ткани Реальности, Антон. Только грубое вмешательство, противоречившее плану Создателя, могло создать такой всплеск энергий.

Мне стало совсем неудобно. Неужели мои милые и совершенно безвредные игрушки могли так взбудоражить мироздание? И почему это они противоречат планам Создателя?

– На подобные воздействия способны только Программисты или Творцы, – продолжал Учитель, – по крайней мере, до сих было именно так. Творцами не становятся внезапно, к этому идут медленно, через тяжкий труд и опасные испытания. Значит, остаётся только Программист. Расскажи-ка мне, что же такого волшебного ты сотворил.

Тяжело вздохнув, я поведал Учителю о своём увлечении. Когда я закончил, он недоверчиво покачал головой.

– С таким мне ещё не приходилось сталкиваться, – честно признался Учитель, – впрочем, у каждого Программиста свой способ работы с тканью Реальности. Повторений пока ещё замечено не было. У тебя оказался очень уж оригинальный метод. Но для нас с тобой это ведь ничего не меняет, верно?

Я кивнул с облегчением. Всё-таки мне было бы очень обидно расставаться с волшебной перспективой прикоснуть-

ся к тайнам мироздания.

– Тебе придётся провести здесь какое-то время, прежде чем ты безопасно сможешь вернуться в свою родную Реальность,— между тем продолжал Учитель. – Наверное, ты уже обратил внимание, что твоя комната начала адаптироваться к твоим потребностям и предпочтениям. До тебя там жил один учёный философ, потому в твоей комнате много книг по философии и лингвистике. Думаю, очень скоро они начнут исчезать, а вместо них появится компьютер, раз уж ты любишь писать компьютерные программы.

– А это разве не вмешательство в ткань Реальности,— ехидно подметил я.

– А как же, конечно, вмешательство,— покладисто согласился Учитель,— только не в базовую Реальность, а в Реальность Убежища. Она специально сотворена как полигон для работы с тканью Реальности. Нужно же ученикам на чём-то практиковаться. Не беспокойся, Убежище надёжно изолировано от базовой Реальности. Здесь можно играть с энергиями сколько душе угодно.

Я открыл рот от удивления. Значит, я нахожусь не в своей Реальности? Так вот почему здесь ночь и зима. Дело, оказывается, вовсе не в географии.

– А откуда взялось Убежище? – продолжал допытываться я. – Неужели Создатель, или кто там, заранее позаботился о начинающих волшебниках?

Учитель весело рассмеялся. Похоже, ему начали нравить-

ся мои вопросы.

– Волшебниках, говоришь. Вот значит, кем ты себя возомнил, – отсмеявшись, он снова сделался серьёзен. – Увы, боюсь, очень скоро ты поймёшь, какую поганую ловушку уготовил для тебя Создатель. И нет, Он не сотворил Убежище, это сделал Творец. Хотя, в каком-то смысле ты прав, Создатель тоже участвовал в сотворении Убежища, на то оно и сотворение, то есть совместное творение. Потерпи немного, я тебе всё объясню, как только ты будешь готов.

Мои мозги начали потихоньку закипать. Создатель, Творец, а в чём разница? Это что, разные сущности, что ли? И о какой ловушке он там вещает? Опять подстава?

– Прежде чем мы пойдём завтракать, – сказал Учитель, взглянув на светлеющее небо за окнами зала, – я должен вручить тебе вот этот медальон.

Он протянул мне медальон из очень светлого, почти белого, металла на прочной цепочке. С одной его стороны была выгравирована голова волка, а другая была вся покрыта непонятными значками, возможно, буквами незнакомого алфавита. Медальон был красивый и очень стильный. Я с удовольствием надел его себе на шею поверх майки.

– Это знак Школы, – пояснил Учитель. – Теперь ты полноправный ученик. Поздравляю, и добро пожаловать в Игру.

– В какую игру? – спросил я с недоумением.

– В единственную Игру, в которую только и стоит играть, – торжественно провозгласил мой наставник. – Игру в Реаль-

ность. Да, кстати,— добавил он уже вполне буднично,— позаботься о том, чтобы Охотник увидел этот медальон прежде, чем спустит курок. Это твоя защита, единственная, между прочим.

Вот это другое дело. А то только и знает, что запугивать меня разными страшилками и непонятностями. Я вылез из кресла и вслед за Учителем двинулся в сторону кухни, однако на полпути сообразил, что в готовке еды нет надобности. Всё уже было расставлено на столе и источало соблазнительные ароматы. По всему выходило, что этот дом адаптируется не только к моим потребностям. Всё-таки Учитель тут явно главный, если не считать мифического Творца, разумеется.

Глава 5.

За завтраком я неспешно прикидывал, как бы так задать вопрос о Создателе и Творце, чтобы ненароком не обидеть чьи-то религиозные чувства. Сам-то я не был религиозен от слова совсем. Нет, я, конечно, верил, что люди – это не конечный продукт эволюции, иначе было бы слишком грустно, что над нами существует нечто большое и непостижимое, типа бога, абсолюта или дао, не важно, как это обозвать. Но к религии эта моя наивная вера в высшие силы не имела никакого касательства. Интуитивно я понимал, что в данном случае речь шла не о ком-то из классической тройки Иегова – Иисус – Магомет. Как-то не верилось, что Учитель мог купиться на эту дешёвую авраамическую разводку. Но рисковать не хотелось. Мне приходилось сталкиваться с ситуациями, когда, в остальном вполне здравые и даже умные, люди вдруг становились невменяемыми фанатиками в вопросах, связанных с религиозными предпочтениями. Здесь нужно быть очень аккуратным. Помимо теологии, был ещё один, гораздо более насущный вопрос. Почему это у Программистов не может быть карьеры, и о какой такой «поганой ловушке» Создателя шла речь? Как по мне звучало всё это не слишком ободряюще.

В процессе раздумий я смёл всё, что было на моей тарелке, хотя вроде бы недавно (по моему времени) завтракал.

Учитель, конечно, заметил мою необычную молчаливость, но терпеливо ждал, когда я сам созрею для продолжения разговора. Так и не выработав стратегию обхода острых камней в религиозных темах, я решился задать вопрос в лоб.

– Учитель, а кто такой Создатель? Это бог? – на мой вкус прозвучало вполне вежливо, но всё равно я чувствовал себя как-то неловко.

– А это зависит от того, какое значение ты вкладываешь в слово «бог», – спокойно ответил Учитель. – Если бог – это тот, кто обладает возможностями, намного превосходящими человеческие, то да, Создателя можно назвать богом. Но всё гораздо проще. Разве в самом слове Создатель не заключено его значение? Как ты думаешь?

Учитель замолчал, явно подразумевая, что этот вопрос вовсе не был риторическим. Похоже, теософский диспут мне не грозил, разговор шёл в прагматичном русле, что не могло не радовать.

– По-видимому, Создатель должен что-то создавать, – в тон Учителю ответил я.

– Не попробуешь угадать, что именно? – он продолжал меня подкалывать.

Исходя из нашего разговора до завтрака, я сделал вывод, что Создатель, пожалуй, будет рангом повыше, нежели Творец. А если Творец способен создать новую Реальность, например, Убежище, то что же остаётся на долю Создателя?

– Не стесняйся, – подбодрил меня Учитель. – В конце кон-

цов это просто слово для обозначения определённого понятия. Тут нет ничего священного или запретного, если это тебя смущает.

– Может быть, меня? – задумчиво произнёс я и сразу понял, что прозвучало это пафосно до идиотизма.

Однако Учитель не стал смеяться, наоборот, мне показалось, что он обрадовался моему нескромному ответу. Неужели угадал?

– Ну конечно, – заулыбался мой наставник, – для меня Создатель – это тот, кто создал меня, а также тебя и других Игроков.

– И как же он это сделал? – я решил развивать достигнутый успех, – из праха, или клонировал из ребра, как Еву?

Если честно, я сознательно стремился перевести серьёзный разговор в шутку, так как у меня вдруг возникло острое ощущение опасности. Вот сейчас Учитель ответит и окончательно добьёт мой и так трещавший по швам мир. Зачем только спросил? Жил себе в своей милой безопасной неопределённости, а теперь придётся столкнуться с жестокой правдой. Учитель не станет со мной миндальничать, это сразу видно. А смогу ли я принять эту правду? Но тот, словно почувствовав мой страх, не стал спешить с ответом.

– Для начала нужно ответить на другой вопрос, – сказал он, глядя мне в глаза, – а кто такой ты?

Час от часу не легче. Вопрос застал меня врасплох. Не то, чтобы я совсем никогда не задумывался над тем, кто я такой,

но однозначно ответить в стиле нашей откровенной беседы мне было не под силу. Я начал лихорадочно вспоминать всё, что читал по этому поводу. Хотелось по возможности не выглядеть абсолютным неучем.

– Я – это триединство тела, души и духа, – начал затаившийся неуч, осторожно подбирая слова.

Однако продолжить Учитель мне не дал. Он начал истерически хихикать. Я сидел, насупившись, не понимая, то ли обидеться, то ли тоже рассмеяться.

– Выбрось из головы эту эзотерическую чушь, – сказал он отсмеявшись. – Зачем повторять чужие слова? Думай своей головой, полагайся на интуицию.

Так, похоже, мне дали ещё одну попытку. Интересно, а как вопрос «кто я?» связан с процессом сотворения меня любимого. Ну создал меня Создатель и хорошо. Зачем мне лезть в технологию этого процесса? Стоп. Если Учитель увязывает эти два вопроса, значит связь существует. Действительно, если я тело, то меня можно сделать из праха, как голема, или клонировать, например, из ребра Создателя. Чушь собачья. Да у него рёбер на нас всех не хватит, если они у него вообще есть. На этом логическая цепочка оборвалась. Я с тоской поглядел на Учителя и попробовал зайти с обывательской стороны.

– Я человек, – мой голос прозвучал неубедительно даже для меня самого.

Учитель продолжал смотреть на меня выжидающе. Зна-

чит, мимо. Действительно, а можно ли назвать человеком Программиста? «Полагайся на интуицию», а где её взять, если от природы не дано. Ладно, попробуем включить логику. Если я не тело, или, по крайней мере, не только тело, то может быть, я – душа или дух? Дух звучит как-то солидней, хотя разница мне совершенно непонятна. Если честно, то значение обоих этих слов довольно туманно.

– А можно «помощь зала»? – жалобно попросил я.

– Можно, – покладисто согласился Учитель, – подумай, без чего не будет тебя.

Это называется, помог. А что вообще это означает – быть? Где быть? Ладно, давайте по порядку. Как я могу определить, что существую? Когда я есть, я чувствую, думаю, совершаю поступки, что ещё? И где всё это происходит? В моём сознании или в объективной реальности? А если человек, к примеру, потерял сознание, можно ли сказать, что он существует? Хороший вопрос в стиле дао: будет ли слышен звук падающего дерева, если его некому слышать. Допустим, что не будет. Значит, если я не осознаю себя и окружающую действительность, то меня как бы и нет. Попытка номер три.

– Я есть сознание, – сказал я, и сам испугался.

Да не может такого быть. Разве может существовать сознание без тела? Если я вдруг отключусь, то тело же не растворится в туманной дымке, оно преспокойненько будет себе лежать, где упало. Или нет? Учитель смотрел на меня удивлённо, без улыбки. Я занервничал и поспешил внести ясность в

свой ответ.

– Ну, то есть я сознание, находящееся в теле. Ведь само по себе сознание не может существовать, правда? – я заискивающе посмотрел на своего наставника.

– А я уж было подумал, что судьба меня свела с гениальным учеником, – Учитель вздохнул и грустно улыбнулся. – С чего ты это взял, что не может? А как, позволь спросить, ты существуешь каждую ночь во сне, а как планируешь существовать после смерти тела? А что это вообще такое, твоё тело?

Ну нет. Так он меня совсем запутает. Давайте сначала разберёмся с сознанием. С этим Учитель вроде бы не спорил. Значит, правильный ответ «я есть сознание». Ну и как же можно создать сознание, да ещё без тела? Одно дело, когда бог создаёт тело, в которое помещает частицу своего сознания, и получается человек. Всё логично и благопристойно. А по версии Учителя получается, что Создатель создаёт отдельно тела и отдельно сознания. Звучит как полный бред. Как говорил Станиславский, «не верю». И каким же образом тогда сознания встречаются со своими телами?

– А зачем Создатель создаёт тела отдельно от сознаний? – спросил я не без ехидства. Надеюсь, бредовость такого предположения была очевидна не только мне.

– Ни зачем. Он этого не делает, – совсем не обиделся Учитель. – Своё тело ты сотворяешь сам вместе с остальной Реальностью.

Приехали. Да если б я мог сам сотворить своё тело, то уж, наверное, постарался бы сварганить что-нибудь более брутальное и мускулистое. Я довольно невежливо расхохотался. Учитель смотрел на меня как на расшалившегося ребёнка, с улыбкой и без раздражения.

– Не переживай, Антон,– он ласково потрепал меня по плечу,– ты всё поймёшь со временем. А пока довольно теории, пора переходить к практике. Тебе приходилось медитировать?

Я припомнил, как давно, ещё в институтские годы, Алиса затащила меня на занятия по цигуну в какой-то эзотерический клуб. После предварительной гимнастики все расселись на подушечки, сложили ноги и руки крестиком и закрыли глаза. Зрелище было уморительное. Поскольку долго сидеть с закрытыми глазами мне было скучно, я стал разглядывать медитирующую публику. Из двадцати человек, наверное, только пятеро действительно были погружены в какое-то подобие транса. По крайней мере, они сидели неподвижно и расслабленно. Остальные только изображали крутых практиков. Было видно, что им это занятие поперёк горла, и они постоянно ёрзали на своих подушечках, пытаясь устроиться поудобнее, либо откровенно дремали. Меня хватило ещё на два посещения, а потом я просто подждал Алису в Шоколаднице рядом с клубом, и все были довольны. Не думаю, что такой опыт можно было назвать опытом медитации. И я отрицательно покачал головой.

– Вот и отлично,– с энтузиазмом провозгласил Учитель. – Нет ничего хуже, чем переучивать.

Он легко поднялся из-за стола и поманил меня к двери, которую я безрезультатно пытался открыть раньше. На этот раз дверь послушно подалась, и мы оказались в широкой галерее. Её левая сторона была полностью застеклена, было видно, что сразу за окнами начинался обрыв в глубокое ущелье. Выглянув в окно, я на миг аж задохнулся от грандиозности открывшегося вида. Учитель, увидев, что я затормозил, оглянулся и поманил меня пальцем. С правой стороны галереи располагались шесть одинаковых дверей. Учитель открыл третью по счёту и пригласил меня войти. За дверью оказалась небольшая комната с окном, наполовину скрытым плотными шторами. Пол комнаты был покрыт толстым ковром, стены тоже были обиты чем-то мягким. Из мебели там были два кресла с прямыми спинками и несколько полочек, уставленных всякой всячиной. В дальнем углу было сложено с десяток подушек.

Ну всё понятно, сейчас меня усадят на одну из подушек и предложат всласть помедитировать. Учитель, однако, вопреки моим ожиданиям, уселся в кресло и предложил мне располагаться во втором.

– Чтобы выполнить свою миссию,– начал он объяснение,– Программисту необходимо научиться хорошо контролировать свои мысли. Поэтому ты начнёшь с практики концентрации. Выбери любой предмет из тех, что расставлены на

полках, и я объясню тебе, что нужно делать.

Я подошёл к полкам. Чего там только не было. Больше всего было статуэток и картинок всевозможных святых, будд и прочих оккультных персонажей. Ещё там были чётки, крестики, колокольчики, медные и каменные чаши и другая религиозная утварь. Но встречались и не относящиеся к религиям объекты: мягкие игрушки, фарфоровые куколки, блестящая бижутерия и несколько угрожающего вида ножей и кинжалов. Мне больше всего понравилась фарфоровая статуэтка балерины, но я из чувства противоречия выбрал плюшевого зайца.

– От моего выбора что-то зависит? – спросил я Учителя, усаживая ушастого себе на колени.

– На первом этапе объект совершенно не важен, хотя в некоторых школах ему придают определённое значение, – Учитель на мгновение задумался. – Например, в практике раннего Бон объект для концентрации внимания выбирался в соответствии с одним из пяти ядов, превалировавших у практика.

– Что за яды такие? Мне нужно будет что-то принимать внутрь? – я был не на шутку встревожен. Мне как-то один знакомый рассказывал о своём шаманском опыте с аюаской, или как там называют это зелье из лианы. Что-то мне не улыбалась такая перспектива.

– Пять ядов – это гнев, зависть, страсть, тупость и гордыня, – пояснил Учитель к моему облегчению. – Например, уче-

никам, у которых было много гнева, предлагали концентрироваться на белой занавеске или стене. Сейчас для практики концентрации используют тибетскую букву А. Если хочешь, можешь тоже попробовать, она на верхней полке слева.

Я прижал к животу своего зайца и отрицательно помотал головой. Если честно, у меня вообще не было ни малейшего настроения сидеть сиднем в тёмной комнате. Я попал в удивительный мир, а мне даже не дают немного перевести дух и осмотреться.

– Учитель, а куда мы так спешим? – я решился всё-таки сделать попытку откосить. – Можно я для начала немного прогуляюсь по окрестностям? Ведь в моей Реальности время практически не движется, успею ещё пройти курс молодого Программиста.

Учитель, вопреки ожиданиям, не обиделся и не рассердился на нерадивого ученика. Он поглядел на выплывавшее из-за снежных вершин солнце и перевёл на меня взгляд, полный сострадания. У меня нехорошо засосало под ложечкой.

– Я не хотел тебе говорить, – наконец нарушил тишину Учитель, – но, видимо, придётся, иначе усердия от тебя не добиться. В твоей базовой Реальности время действительно не движется, но твоё личное время идёт с обычной скоростью, где бы ты ни находился.

Он подошёл к окну и сел на подоконник. Похоже, это была его любимая поза.

– Быть Программистом – это вовсе не синекура, – стро-

го заявил Учитель. – Вы воплощаетесь отнюдь не для того, чтобы игратья со своими силами, а для выполнения определённой миссии. Не перебивай, – он поднял руку, останавливая мой естественный вопрос. – Я не знаю, какова твоя миссия, и никто пока не знает, включая тебя самого. В идеале, Программист должен осознать свою миссию самостоятельно и добровольно её выполнить. Но это происходит далеко не всегда. Если ты не справишься в отведённое тебе Создателем время, то... – он замолчал, подбирая слова.

– Тогда я умру? – несмотря на предупреждение, я всё-таки влез с вопросом.

– Нет, но то, что случится, будет хуже смерти, – Учитель грустно усмехнулся. – Чем-то это похоже на одержимость. Мне дважды довелось наблюдать подобное превращение. Такое ощущение, будто внутри человека поселяется другая сущность, которая полностью берёт на себя управление всеми его действиями. Самое неприятное то, что эту сущность совершенно не заботят биологические нужды тела-носителя, например, необходимость спать или мыться. Поверь мне, Антон, ты этого не хочешь.

Учитель снова задумался. Я тоже молчал, представляя своё жалкое будущее в роли невымытого зомби. Вот ведь свезло мне уродиться Программистом.

– И как же мне, интересно, поможет медитация? – спросил я подавленно.

– Тебе нужно как можно скорее установить связь с Созда-

телем,— ответил Учитель,— и научиться контролировать свои мысли и эмоции. Без этого тебе не справиться со своей миссией. Медитация — это самый простой способ добиться и того и другого.

Вот уж не уверен, что сидение с закрытыми глазами может помочь чего-то добиться. Впрочем, выбор у меня невелик. Можно, конечно, плюнуть на всё и оторваться по полной напоследок. Но что-то мне подсказывает, что радости такой отрыв не принесёт. Учитель мрачно смотрел мимо меня и ждал, что я скажу. Он явно что-то недоговаривал. Интересно, что может быть хуже перспективы превратиться в зомби?

— А что будет, когда и если я выполню свою миссию? — попробовал я просчитать, что он там ещё скрывает.

Похоже, я попал в точку. Учитель вздрогнул и опять посмотрел на меня как на смертельно больного.

— Большинство миссий осуществляются ценой жизни Программиста,— произнёс он как будто зачитал диагноз. — И поверь мне, это большое везение. Альтернатива гораздо печальнее. Дело в том, что, выполнив миссию, Программист утрачивает смысл жизни и свои способности, кстати, тоже. Выжившие, как правило, либо спиваются, либо накладывают на себя руки. Я знаю только одного бывшего Программиста, который смог это пережить и найти себя на другом поприще. Он стал Охотником.

Опаньки, не удивительно, что они все фанатики. Те-

рять-то уже нечего. Но я ведь не маньяк какой-то. Пока во всяком случае. Мне глубоко фиолетово, что там кому-то от меня нужно, будь ты хоть сто раз Создатель. Не представляю, чтобы я мог настолько слететь с катушек, чтобы упиться до смерти. Услужливая память тут же напомнила, как я три года без продыху носился по тундре, когда пропала Алиса, забывая, кстати, спать и мыться. Значит, я очень даже легко могу превращаться в зомби, когда припечёт. Засада.

– Я совершенно не чувствую, что у меня есть миссия, – с обидой произнёс я наконец. – Должны же быть какие-то знаки, подсказки, что ли.

– Экий ты нечувствительный, Антон, – усмехнулся Учитель. – Когда ты впервые создал необычную программу?

– Ещё в Унивёре, на четвёртом курсе, – вздохнул я, – но это был просто переводчик, и я им практически не пользовался. А Антошу я написал два года назад.

– Странно, что Охотники тогда же тебя не отследили, – задумчиво прокомментировал Учитель. – А у тебя не было ощущения дежавю? Не было чувства, что в жизни всё идёт по накатанной колее, повторяясь изо дня в день.

Я растерянно кивнул. Откуда он может об этом знать?

– Поздравляю, ты побывал в так называемой временной петле, – усмехнулся Учитель. – На самом деле в твоей базовой Реальности прошло гораздо меньше времени, может быть, месяц или два, но для тебя субъективно прошло два года.

Вот ведь и Умник мне рассказывал про временную петлю. Знать бы ещё, что это такое. И как же меня угораздило в неё попасть? Учитель, как будто уловив мой вопрос, продолжал.

– Это Охотники, – пояснил он, – их работа. Они улавливают всплеск энергии от вмешательства в ткань базовой Реальности, но не могут сразу определить источник возмущения. Тогда они закольцовывают сознание подозреваемого и следят за ним, пока не подтвердят свои догадки. А потом одним выстрелом разрывают петлю, просто убивая нарушителя.

Как же у них всё просто. А если я ни сном, ни духом про совершённые мной нарушения? Откуда мне было знать про эту самую ткань? Могли бы и предупредить для начала, а не хвататься сразу за пистолет. Учителю, однако, было плевать на мою фрустрацию. Он продолжал лекцию, как будто мы говорили не о смертоубийствах, а о пикнике на лужайке.

– Обычно способности у Программиста начинают проявляться где-то за год до выполнения миссии. В этот момент он становится по-настоящему опасен для мироздания. Возможность разрушить мир уже есть, а понимания того, что с ним происходит, нету. Не огорчайся, что пока не чувствуешь своего предназначения, изменения могут начаться в любой день. Так что, не трать время понапрасну, у тебя его совсем немного.

Первое задание, которое дал мне Учитель, было на первый взгляд довольно простым. Нужно было сконцентрироваться на выбранном объекте, в моём случае – на зайце, и ни на что

не отвлекаться. Поза тела могла быть любая, главное, чтобы спина была строго вертикальная, а позвоночник – прямой. Моя надежда, что можно будет полежать на мягком ковре, увы, не оправдалась. Вся суть была в том, чтобы не двигаться, причём как телом, так и мыслями.

– Смотри на объект так пристально, как будто вдеваешь нитку в иголку, – наставлял Учитель. – Если отвлёкся, не огорчайся и не ругай себя. Просто верни своё внимание к объекту медитации. Практику можно будет считать успешной, когда у тебя возникнет ощущение, что тебе совершенно не хочется двигаться, как будто ты прирос к сиденью.

Я послушно кивал головой. Было приятно отвлечься хоть на какое-то дело, только бы не думать о том, что меня ждёт в недалёком будущем. Когда Учитель ушёл, пообещав вернуться с проверкой через два часа, я первым делом выглянул в окно. Под утренним солнцем пушистые сугробы переливались всеми цветами радуги не хуже бриллиантов. Небо было ясное с редкими полупрозрачными облачками. На фоне снежных гор огромные мохнатые ели казались чёрными. Тишина стояла такая, словно кроме меня в мире не было ни единой души.

Работать мне не хотелось от слова совсем, но страх превратиться в зомби сделал своё дело. Я послушно уселся в своё кресло, пристроив зайца на соседнем. Упражнение, однако, оказалось не таким уж простым, как думалось вначале. Мысли разбегались и никак не хотели концентрироваться на

зайце, глаза болели и слезились, из носа, непонятно с какой радости, потекло. Буквально через несколько минут спина начала ныть, потом вдобавок закололо в правой ноге. И как тут прикажете сохранять концентрацию?

Как же я теперь понимал тех горе-цигунистов, что ёрзали на своих подушках. Кстати, о подушках. Я выбрал из кучи в углу пару подушек помягче и соорудил себе некое подобие сиденья у стены напротив полка. Через четверть часа экспериментов с подушками, я наконец свил себе уютное гнёздышко, в котором без телесных страданий мог сидеть с прямой спиной. На всякий случай заменил зайца на приглянувшуюся мне статуэтку балерины и впился в неё взглядом. Не знаю, сколько я продержался, но в конце концов мне всё-таки пришлось закрыть глаза, чтобы унять резь и вытереть слёзы.

Я отдыхал с закрытыми глазами, когда без каких-либо стараний с моей стороны совершенно ясно увидел статуэтку балерины как бы внутренним взором. Видение было очень ярким, я мог разглядеть балерину со всех сторон и во всех подробностях. Маленькая хрупкая девушка в пачке стояла, вытянувшись в струнку, с поднятыми вверх руками, одна нога была согнута, как будто она крутила фуэте. Я так увлёкся разглядыванием статуэтки, что не заметил, как в комнату вошёл Учитель. Он похлопал меня по плечу и укоризненно покачал головой. Когда я рассказал про своё видение, он долго задумчиво молчал, а потом вынес решение.

– Что ж, можно и так, продолжай с закрытыми глазами, если тебе так проще, только не засни. Вообще-то, визуализация – это как раз то, чему тебе и нужно научиться. А сейчас сделаем небольшой перерыв. Не желаешь подышать свежим воздухом?

В начале моих экспериментов с медитацией желание вырваться на улицу явно превалировало даже над желанием лечь и вздремнуть. А после приглашения Учителя я с удивлением осознал, что мне совсем не хочется вылезать из ставшего таким уютным подушечного гнёздышка. Странно, никогда бы не подумал, что такое возможно. Выходя из комнаты, я мимоходом взглянул на часы и испытал натуральный шок. Учитель действительно вернулся за мной через два часа. Положим, минут пятнадцать я промучился на стуле и ещё столько же потребовалось на то, чтобы я окончательно угнезвился. Получается, я, не прерываясь, разглядывал балерину полтора часа? Да быть такого не может. Наверное, я просто спал. Но как же я тогда не свалился с подушки? Чудеса.

Мы вернулись в каминный зал, и тут я сообразил, что погулять-то у меня никак не получится. Никакой одежды теплее майки и джинсов у меня не было.

– Учитель, – с надеждой спросил я, – а нет ли случайно здесь какой-нибудь куртки, ну или на крайняк тёплого свитера?

– А ты в шкаф в своей комнате не заглядывал? – ответил вопросом на вопрос Учитель.

Какой ещё шкаф? Нет в моей комнате никакого шкафа, я точно помню. Но спорить не стал и послушно поднялся на второй этаж. Моя комната переменялась так разительно, что в первый момент я даже решил, что по рассеянности ошибся дверь. Однако потом вспомнил слова Учителя о том, что дом адаптируется к обитателям, и принялся изучать своё обновлённое жилище. Вместо дивана теперь стояла широкая кровать, укрытая клетчатым пледом. К моему облегчению подушка с медвежонком была на месте. Вместо целой библиотеки старинных фолиантов, осталась всего одна маленькая полочка, на которой стояло с десятков книг вполне современного вида. Место библиотеки теперь было занято шкафом с одеждой. Я открыл дверцы шкафа и уже почти без удивления обнаружил там полный джентельменский набор, начиная от белья до пуховки и тёплых сапог. Удивительно было другое. Это была МОЯ одежда. Нет, не похожая на ту, что я обычно ношу, а именно моя, с узнаваемыми пятнышками и прочими отличительными знаками. Однако самым главным подарком комнаты был ноутбук, вальяжно расположившийся на ничуть не изменившемся дубовом столе. Этот стол мне, кстати, сразу понравился. Видимо, дом это учёл.

Естественно, первым делом я открыл ноут и уже без удивления убедился, что это был МОЙ ноут со всеми индивидуальными настройками, в точности, как я его оставил в своей квартире. А ещё тут был доступ в инет, причём с приличной скоростью. Прикинув, что у меня ещё будет время поси-

деть за компом, я достал пуховку, тёплые штаны и ботинки и принялся утепляться. Когда, готовый к новым подвигам, я спустился вниз, Учитель уже стоял у двери, тоже полностью экипированный для прогулки.

Мы вышли из дома, и я очень быстро сообразил, что прогулки-то, в привычном понимании этого слова, как раз и не предвидится. Дом стоял на вершине крутого горного пика. Единственной условно ровной площадкой можно было считать внутренний дворик, куда выходили окна моей комнаты. Но он был завален снегом примерно по пояс глубиной и для гуляния был явно непригоден. Сразу за стенами начинался крутой обрыв. Вокруг дома, правда, тянулась открытая галерея с навесом от снега. По ней, видимо, и предполагалось совершить прогулку.

Пристроившись вслед за Учителем, я поплёлся вдоль галереи, то и дело выглядывая через прочные деревянные перила в поисках тропинки или лестницы. Ну не может же так быть, чтобы это место было полностью изолировано от остального мира? А, впрочем, на то оно и Убежище, чтобы защищать от непрошенных гостей. Обогнув половину дома, мы вышли на небольшую расчищенную от снега площадку, нависавшую над пропастью. На площадке стояли два плетёных кресла с пледами. Отсюда открывался вид на соседнюю вершину, расположенную метрах в ста от дома. На ней возвышалось круглое строение со стеклянными стенами и остrokонечной крышей. От дома к этому строению вёл кры-

тый ажурный мостик, опасно висевший над бездонной пропастью. Из отверстия вверху крыши вертикально тянулся полупрозрачный столб дыма. Получается, мы тут не единственные обитатели Убежища.

– А что это за круглое строение? – полюбопытствовал я.

Учитель сделал вид, что не расслышал моего вопроса, пошёл к креслу и завозился с пледом, усаживаясь поудобнее. Видимо, не моего ума это дело. А любопытно всё-таки, кто там разжигает огонь. Окна в таинственном строении были плотно занавешены, так что разглядеть, что находится внутри, не представлялось возможным. Пообещав себе, что обязательно найду время и возможность прогуляться по этому мостику и разузнать побольше об обитателях Убежища, я вслед за Учителем устроился в кресле. Солнышко припекало, откуда ни возмись около кресла появился термос с двумя толстыми глиняными кружками. Мы разлили ароматный чёрный чай и, прилѣбывая его, принялись любоваться пейзажами. Вид с площадки открывался просто невероятный. Казалось, мы летим над верхушками заснеженных елей по узкой просеке, проложенной великанами между острых скал, прямо на солнце. Хотелось раствориться в этом плавном орлином полёте и ни о чём не думать. Увы, меня сюда привели вовсе не для созерцания местного ландшафта, а для продолжения, так сказать, теоретической части.

Хотя, если подумать, а на фигá мне эта теория, если жить мне, судя по всему, осталось от силы год с хвостиком. С дру-

гой стороны, сдаваться было ещё рано, можно ещё немного побарахтаться, ведь сумел же я начать новую жизнь без Алисы, не спился и не повесился. Впрочем, нужно честно признаться, в том, что я не спился, совершенно не было моей заслуги. Так уж случилось, что мой организм лет до двадцати пяти был совершенно не приспособлен для употребления сколько-нибудь значительных доз алкоголя. Стоило мне слегка перебрать, как вместо блаженного растворения в нирване мне было обеспечено долгое и безрадостное свидание с белым другом в туалете (извините за подробности), а на следующий день – полное выключение из жизнедеятельности, вследствие убойного похмелья. Сейчас ситуация немного исправилась, однако не настолько, чтобы рассматривать перспективу упиться до смерти как реальную угрозу. Так что, как говорится, будем посмотреть.

Я покосился на своего наставника поверх кружки, чтобы оценить ситуацию. Он смотрел на меня явно выжидающе. Что ж, если насилие неизбежно, попытаемся получить максимум удовольствия.

– Учитель, – начал я, – я всё-таки не понимаю, как можно создать сознание. Это я к вопросу о том, как Создатель нас сотворил.

– Термин «создать» или «сотворить» в данном контексте следует понимать условно, – он говорил медленно, задумчиво глядя на заходящее солнце.

Я с досадой заключил, что, пожалуй, поторопился с во-

просом. Можно было ещё немного понежиться в тишине.

– Правильнее будет сказать, что единое сознание Создателя проявилось в базовой Реальности как множество наших сознаний, – пояснил Учитель и снова замолчал.

Я тоже молчал, пытаюсь переварить услышанное. Это что же получается? Выходит, моё сознание – это на самом деле сознание Создателя? Нет, так мы не договаривались. А как же я, любимый? Меня, получается, как бы и нет? Но если взглянуть с другой стороны, то можно сделать вывод, что я и есть Создатель. Эта версия мне понравилась гораздо больше. Правда, оставалось пока неясным, в чём собственно разница между терминами «проявиться» и «создать». На мою просьбу пояснить, что подразумевается под словом «проявиться», Учитель не стал отвечать прямо. Вместо этого он поднял свою кружку к глазам и прищурился.

– Представь, что это шар, – сказал он, указывая на кружку. – Шар существует в своём трёхмерном мире. Теперь мы возьмём тонкую иглу и проткнём шар насквозь. На игле образуются две точки в тех местах, где она касается шара. Эти точки и есть проявление трёхмерного шара в одномерном мире иглы. Заметь, шар один, а точек две, и они расположены отдельно друг от друга. Точкам может казаться, что они существуют сами по себе и никак не связаны ни друг с другом, ни с шаром. Но на самом деле эти точки вместе и каждая по отдельности являются шаром. Это очень важно понимать: они являются не ЧАСТЬЮ шара, а ЦЕЛЫМ шаром. Просто

шар не может существовать в одномерном мире иглы, такова природа пространства. Поэтому он существует в этом мире в виде двух точек.

Также и сознание Создателя, обладая большей мерностью, чем пространство нашей Реальности, не может здесь существовать как единая структура, поэтому оно существует в виде множества наших сознаний. И также, как структура точки бесконечно проще структуры шара, так и наши сознания не могут сравниться по сложности с сознанием Создателя. Нам, убогим точкам, может казаться, что мы существуем сами по себе, как одинокие путники во Вселенной. Но это ошибка. Мы все вместе и каждый по-отдельности есть проявленное сознание Создателя. Если ты позволишь себе осознать эту простую истину, то сможешь реализовать свой потенциал. Ведь, если Он способен творить миры и населять их живыми существами, то и мы все потенциально на это способны. Вот какой смысл заложен в библейской фразе «по образу и подобию».

Картина, описанная Учителем, была настолько крутая, что у меня дух захватило от открывавшихся перспектив. Видимо, Убежище как раз и было создано одним из тех, кому удалось реализовать свой потенциал. Интересно, а он ещё здесь? Может быть, это он живёт в доме на соседней скале? Тем более нужно туда пробраться. Стоп, не отвлекаемся. Итак, откуда взялось моё сознание стало более или менее понятно. Однако остаётся ещё вопрос с телом. Его-то, кто

создал и как?

– Учитель, если наши сознания – это проявленное сознание Создателя, – продолжил я логическую цепочку, – то получается, что наши тела являются проявлениями тела Создателя? Я правильно понял?

Мне казалось, что я провёл очень удачную параллель, однако Учитель полностью проигнорировал мои потуги пофилософствовать. Он только улыбнулся мне, как малому ребёнку, и продолжил объяснения.

– С позиции наших простых сознаний мы не в состоянии определить, какое у Создателя тело, и есть ли оно вообще. А наши тела существуют лишь в нашем сознании, – он замолчал и хитро посмотрел на меня, ожидая реакции.

Я немного попереваривал услышанное и пришёл к выводу, что здесь кроется какой-то подвох, типа, игры слов. Если бы моё тело действительно существовало только в моём сознании, то как бы другие люди могли его видеть, слышать, трогать и так далее? А из слов Учителя вытекало, что моё тело существует как бы виртуально. Или я опять туплю? Итак, по его версии получается, что я есть сознание, и это сознание придумывает себе тело. Но ведь тело существует в РЕАЛЬНОСТИ, да и сама эта Реальность тоже существует на самом деле, а не только в моём воображении. Что-то я не догоняю.

– А в чём сознании существует Реальность, – спросил я Учителя, окончательно запутавшись в своих рассуждениях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.